

ЖК Клуб

Никитский

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 20

**Китайский фактор
в новой структуре
международных
отношений
и стратегия России**

Москва ■ 2004

ББК 66.4(2Рос)
Н62

Редакторы Н.М. Румянцева, В.Ю. Григорьева

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте»
Выпуск 20: Китайский фактор в новой структуре международных
отношений и стратегия России. — М., 2004. — 80 с.
ISBN 5-8341-0071-6

«Китайский фактор», благодаря соседству, всегда присутствовал во внешнеполитической жизни России. В настоящее время этот фактор настойчиво дает о себе знать всему миру. Высокие показатели развития экономики, темпы модернизации позволяют экспертам говорить о том, что Китай в скором времени может стать одним из главных «игроков» на мировой арене. В этой ситуации для России особую актуальность приобретают такие вопросы, как взаимовыгодное сотрудничество, проблемы взаимоотношений, стратегия взаимодействия с Китаем. Эти вопросы были в центре внимания на очередном заседании Никитского клуба, стенограмма которого представлена в данном выпуске.

ББК 6.4(2Рос)

Формат 70x100/16. Бумага мелованная. Гарнитура «Гарамон».
Усл.-печ. л. 6,9. Заказ 01419. Тираж 1000.

Отпечатано в ЗАО «Московская межбанковская валютная биржа».
125009, Москва, Большой Кисловский переулок, 13

ISBN 5-8341-0071-6

© Никитский клуб, 2004

Президент **Сергей Капица**
Никитского клуба

Вице-президент, **Наталья Румянцева**
Исполнительный
директор

телефон 705-96-73
факс 204-48-40

эл. почта: *nikitskyclub@micex.ru*

<http://www.nikitskyclub.ru>

ДЕКЛАРАЦИЯ Никитского клуба

Никитский клуб — это частная инициатива ученых и предпринимателей, обеспокоенных судьбой российского общества и государства. Это попытка объединить интеллектуальные силы России, сделать их активным ресурсом развития страны. Это стремление вовлечь в серьезный диалог по важнейшим для России проблемам ученых, политиков, деловых людей и всех представителей общественности, заинтересованных в радикальном снижении экономических и социальных издержек, необходимых преобразований в стране.

Миссия Никитского клуба

Клуб видит свою миссию в том, чтобы консолидировать интеллектуальные ресурсы, преодолеть их невостребованность, предъявить обществу и предложить пути их эффективного использования.

В условиях системной трансформации власть, как правило, вынуждена действовать не столько по глубоко продуманному плану, сколько по обстоятельствам. Вопросы стратегии и глобальное видение проблем остаются вне поля зрения. Между тем, ошибки будущего рождаются в настоящем. Стратегия — попытка предвидеть будущее, чтобы избежать ошибок в настоящем.

Гражданская инициатива Никитского клуба состоит в том, чтобы общими усилиями научных, политических и предпринимательских кругов помочь обществу осознать себя и сформулировать стратегию развития страны.

Цели Никитского клуба

- *консолидация* вокруг Клуба ответственных профессионалов;
- *создание* форума для обмена мнениями по важнейшим вопросам жизни общества;
- *содействие*:
  - формированию культуры независимых экспертных оценок и исследований;
  - формированию культуры глобального мышления;
  - формированию идеологии преемственности, социального партнерства, ответственности;
  - осознанию и формулированию интересов России и вытекаю-

- щей из них политики в различных сферах жизни;
- просвещению общества в сфере глобальных тенденций развития цивилизации.

Задачи Никитского клуба

- создание авторитетной независимой организации, формулирующей возможные приоритеты развития страны;
- влияние на формирование текущей политики в различных областях жизни посредством непредвзятого и независимого анализа ситуации или проблемы.

Методологические принципы

В основу работы Никитского клуба положены методологические принципы Римского клуба:

- междисциплинарный подход к современным проблемам страны и человечества;
- глобальная перспектива при исследовании проблем и ситуаций;
- сосредоточение на долгосрочных и комплексных проблемах.

Формы работы

Клуб будет использовать в своей работе все формы общения, обеспечивающие свободную, квалифицированную и авторитетную дискуссию:

- независимые исследования и доклады;
- круглые столы, конференции;
- СМИ, в том числе создание центра информации по глобальным и стратегическим проблемам в электронной сети (базы данных, исследований, научных публикаций и т.д.).

Круглый стол
**«Китайский фактор в новой структуре
международных отношений и стратегия России»**

Москва, 22 сентября 2004 г.

Участники обсуждения:

Бажанов Евгений Петрович,

проректор по научной работе Дипломатической академии МИД

Воскресенский Алексей Дмитриевич,

заведующий кафедрой востоковедения Московского государственного института международных отношений (Университета) МГИМО МИД РФ

Галенович Юрий Михайлович,

главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН
(письменные доклады)

Гваськов Петр Адольфович,

секретарь Союза военных китаеведов России при Клубе Товарищей Военного института иностранных языков Красной Армии

Гутник Владимир Петрович,

руководитель Центра европейских исследований при ИМЭМО РАН

Делюсин Лев Петрович,

главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН

Елизаров Кирилл Петрович,

начальник управления по внешним связям ХК «Интеррос»

Капица Сергей Петрович,

президент Никитского клуба

Карнеев Андрей Ниязович,

заместитель директор Института стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ

Корсун Владимир Андреевич,

доцент кафедры востоковедения Московского государственного института международных отношений (Университета) (МГИМО) МИД РФ

Марущенко Владимир Викторович,

заместитель начальника отдела развития персонала нефтяной компании «ЛУКОЙЛ»

Мясников Владимир Степанович,

советник РАН, президент Ассоциации китаеведов РАН

Салицкий Александр Игоревич,

ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН

Ципко Александр Сергеевич,

обозреватель «Литературной газеты»

Круглый стол вел **В.С. Мясников**

С.П. Капица

Дорогие коллеги, уважаемые гости Никитского клуба, мы начинаем наше заседание на тему: «Китайский фактор в новой структуре международных отношений и стратегия России».

Сейчас действительно начинается какая-то новая эпоха в международных отношениях. Она не связана со сменой тысячелетий — я думаю, что по своему значению это нечто большее, чем смена тысячелетий. Наверное, в исторической перспективе проблемы, связанные с Китаем — самой крупной и самой долгоживущей страной в мире как непрерывной политической единицы и как нашего мощнейшего соседа, — особенно актуальны.

Я очень рад, что заседание сегодня будет вести академик Владимир Степанович Мясников, советник Российской академии наук, президент Ассоциации китаеведов РАН, почетный член Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития XXI века, которому я с удовольствием передаю бразды правления.

В.С. Мясников

Спасибо, Сергей Петрович. Уважаемые члены клуба, гости, дамы и господа. Когда-то в театре на Таганке в пьесе «Деревянные кони», посвященной советской деревне, замечательный артист Готлиб Ронинсон вдруг восклицал: «С Китаем надо что-то делать!» И зал понимающе смеялся.

С тех пор прошло много лет, но с Китаем все равно «надо что-то делать». Тема нашего заседания актуальна еще и потому, что завтра начинается визит премьеры Китайской Народной Республики в нашу страну, а в середине октября намечается ответный государственный визит президента Российской Федерации В.В. Путина в КНР.

К этому заседанию мы выпустили книгу члена нашего клуба, профессора Алексея Дмитриевича Воскресенского, которая называется «Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика». В книге представлен комплексный, системный анализ роли Китая в современном мире, сделанный на базе новейших достижений отечественной и зарубежной политологии. Я внимательно ознакомился с этой работой — в ней организованы знания о Китае, существующие сегодня в нашем востоковедении. Но эта книга не является обязательным руководством для выступающих.

Мы хотели бы сосредоточить внимание на следующих вопросах: Китай в борьбе государств за лидерство; роль и перспективы Китая в но-

Фото Л. Панкратовой

С.П. Капица

вой структуре международных отношений; общество, экономика, внутривнутриполитические проблемы Китая, без чего невозможно понять внешнюю политику страны. И, конечно же, важная для нас тема — Россия и Китай: области сотрудничества, проблемы взаимоотношений, стратегия взаимодействия.

В свое время, когда президент США Ричард Никсон готовился к поездке в Китай (это было 30 с лишним лет назад), госсекретарь Генри Киссинджер написал ему в одной из своих записок: «Китай силен длительностью своей истории и предсказуемостью своего будущего». Я думаю, что автор этих слов очень точно определил роль Китая в будущей структуре международных отношений, проявив политическую дальновидность. В те трудные для Китая годы — годы культурной революции — нужно было проявить изрядную смелость, чтобы заявить о предска-

мости будущего для Китая. Киссинджер прямо говорил, что Китай преодолет свой кризис, он будет играть важную роль в международных отношениях и что США надо устанавливать с ним отношения.

На этом я приостановлю свои рассуждения о Китае и предоставлю слово для вступительного доклада профессору Евгению Петровичу Бажанову, проректору Дипломатической академии МИД РФ.

Е.П. Бажанов

Прежде всего хочу поблагодарить руководство Клуба за предоставленную мне возможность выступить здесь, перед такой престижной и знающей аудиторией.

Мое выступление посвящено теме, требующей прогнозирования. Прогнозирование же в международных отношениях — очень сложное дело. Прогнозы редко сбываются. Чтобы убедиться в справедливости такого вывода, достаточно вспомнить о крупных явлениях XX в., которые практически никто не мог предсказать в конце XIX—начале XX вв.

Великий английский историк Арнольд Тойнби пишет в своих мемуарах, что в 1911 г. он решил попутешествовать по Европе. В то время, отмечает Тойнби, почти все государства Европы имели открытые границы. Историк свободно передвигался из страны в страну, никто не требовал у него въездных документов, повсюду он расплачивался английскими деньгами и везде его приветствовали как представителя Англии. Собеседники, в том числе и в Германии, говорили Тойнби, что крупные государства в Европе уже никогда не будут между собой воевать. Они стали слишком взаимозависимыми и цивилизованными для этого. Так было в 1911 г. А в 1914 г. в Европе разразилась самая кровавая война в истории человечества. Спустя 21 год после этой войны вспыхивает еще более разрушительный конфликт, и тоже в Европе. И даже такой великий ученый, как Тойнби, в 1911 г. не имел ни малейшего представления, что это произойдет.

Никто в конце XIX в., конечно, представить не мог, что в России появится партия большевиков, что она придет к власти, создаст мощнейшее коммунистическое государство, международное коммунистическое движение, мировую социалистическую систему. Преподнесли в XX в. сюрприз немцы. В XVIII—XIX вв. Германия дала миру великих писателей, поэтов, философов, композиторов. Немцы создали лучшую систему образования и считались одной из самых цивилизованных наций в Европе. И вот в XX в. эти немцы дружно проголосовали за Гитлера и с энтузиазмом занялись геноцидом в отношении других народов.

Японцы, прославившиеся до того икебаной, чайной церемонией, любовью к природе, в конце XIX в. превратились в агрессоров, практиковавших геноцид не меньше, чем немцы.

Наконец, Китай. Китайская империя, основанная на идеологии Конфуция, на почитании предков, преклонении перед начальством, послушании старшим, простояла более двух тысячелетий. А в XX в. на месте имперского Китая вдруг возникло очень странное маоистское государство, в котором юнцы – хунвейбины при поощрении высших руководителей страны бегали по китайским городам, издевались над старшим поколением и уничтожали всю утонченную цивилизацию, которую китайский народ создавал на протяжении пяти тысяч лет.

Сейчас еще труднее прогнозировать перспективы мирового развития, поскольку мир стал гораздо более динамичным, сложным, в определении его судеб участвует гораздо больше «игроков». Тем не менее, прогнозы строятся. Некоторые из этих прогнозов становятся влиятельными теориями. Например, теории столкновения цивилизаций, противоборства регионов, тотального конфликта между богатыми и бедными. Есть теории, утверждающие, что государства начнут разваливаться одно за другим и человечество вернется в первобытное состояние.

Я же согласен с учеными, полагающими, что в XXI в., как и в предыдущие несколько веков, главным «игроком» на мировой арене останется национальное государство, которое будет действовать, как и прежде, в соответствии со своими государственными интересами. А они далеко не всегда совпадают с цивилизационными, региональными и любыми другими интересами. Именно поэтому России удавалось последние десять лет неплохо сотрудничать с Китаем и Ираном, представителями других цивилизаций и не очень получалось партнерство с близкими нам Украиной и Грузией.

Государства, как и прежде, будут бороться за лидерство. Они уже борются. Главный претендент на глобальное лидерство и даже гегемонию — США. Но у американцев есть соперники, главным из которых представляется Китай. КНР стремительно развивается уже более 20 лет. По валовому национальному продукту она обошла Россию в три раза, и если такие темпы сохранятся, через 20–30 лет китайцы могут опередить и США.

Успехи подхлестывают амбиции, в том числе на уровне массового сознания. Я работал в КНР в 80-х годах в качестве советского дипломата и общался тогда с китайскими учеными, журналистами, военными, кото-

Фото Л. Панкратовой

Е.П. Бажанов

рые жаловались, что не могут спать по ночам, потому что боятся советских ракет, не могут кушать, ибо палочки дрожат в их руках от страха перед советскими ракетами. Мы, советские дипломаты, смеялись над трусостью китайцев. Сейчас я встречаю своих старых знакомых. Некоторые из них стали большими начальниками, другие вышли на пенсию. И вот иду я как-то по одному из китайских городов с группой старых знакомых и замечаю колонну солдат. Спрашиваю, это что, регулярные войска? Спутники отвечают, что нет, это местные ополченцы, очень слабые войска. А один из друзей добавляет: но они, конечно, сильнее, чем российская армия. И все мои китайские спутники дружно смеются.

Меняется психология, растут амбиции, и Китай, безусловно, соперничает и будет продолжать соперничать с США за лидерство. И мне кажется, что это соперничество между США и Китаем формирует один из факторов, способствующих нынешнему сближению России и Китая. Почему? Потому что Китай, конечно, отстающая сторона в споре с США. Пекину нужны партнеры, попутчики, а Москва выглядит неплохим попутчиком. С одной стороны, Россия не угрожает сейчас Китаю, она сравнительно слаба для этого. А с другой стороны, Россия не желает американской гегемонии и готова ей противостоять.

Есть другие факторы, способствующие российско-китайскому сближению. Кроме соперничества с Соединенными Штатами, КНР сталкивается с другими проблемами на международной арене. Это трения с Японией, Индией, странами Юго-Восточной Азии. Это тайваньская проблема. Существуют серьезные внутренние трудности — экономические, социальные, этнические, идеологические, экологические и т.д. Китай, как велосипедист, должен все время крутить педали реформ. Если отвлечется на что-то другое, остановится, — может упасть. В таких сложных условиях Пекину весьма выгодно сохранять мирную обстановку на севере, вдоль 4-тысячекилометровой границы с Россией. Нам такая граница тоже необходима, и обе стороны прилагают максимум усилий к поддержанию дружественной атмосферы во взаимных отношениях.

Россию и КНР сближает и то обстоятельство, что обе страны заняты реформами. Когда и мы, и китайцы были коммунистами, то называли друг друга врагами идеологическими, а затем и военно-политическими. Сейчас, когда у нас официально вроде бы разные идеологии, мы, тем не менее, лучше чувствуем и понимаем друг друга, ибо решаем схожие внутренние задачи реформирования. Китайцы видят, что мы уважаем их за успехи в реформах, пытаемся в чем-то перенять их опыт. Естественно, это вызывает у КНР позитивные эмоции, особенно на фоне давления на них со стороны США. Ситуация выглядит так, что американцы хотят затормозить подъем Китая, а мы усилиям китайцев оказываем поддержку.

И, наконец, четвертый фактор сближения РФ с КНР — это взаимодополняемость наших экономик. Китай в долгосрочной перспективе во все возрастающих масштабах будет нуждаться в энергоносителях из Сибири и Дальнего Востока, в наших технологиях, особенно военных. Мы же, в свою очередь, заинтересованы в том, чтобы экспортировать энергоносители в КНР и через КНР в другие страны АТР. Мы также заинтересованы в том, чтобы покупать в Китае товары легкой промышленности, импортировать китайскую рабочую силу.

Наряду с позитивными факторами на российско-китайские отношения влияют или могут повлиять в будущем некоторые обстоятельства негативного свойства. Предположим, реформенный процесс в КНР рухнет под грузом многочисленных проблем. В стране начнется хаос, из которого вырастет, как это обычно бывает, ультранационалистическая диктатура. Нет гарантии, что при таком развитии событий российско-китайские отношения удастся удержать на рельсах добрососедства.

Или возьмем другой сценарий, при котором Россия со временем превращается в развитую демократию с образцовой экономикой. В этом случае самым фактором своего процветания Российская Федерация будет будоражить умы китайского населения, бросать вызов авторитарному режиму в Пекине.

Нельзя исключать возобновления российско-китайского соперничества на международной арене, в частности, в Монголии, в Центральной Азии, в Корее. Но это все потенциальные проблемы. Есть и более реальные проблемы, возникающие в процессе наших двусторонних контактов в торгово-экономической области, в результате легальной и нелегальной миграции. Россияне и китайцы принадлежат к разным культурам, и нашим людям не всегда удается найти взаимопонимание, тем более, когда из России в КНР пробирается немало преступных элементов и, наоборот, из Китая к нам едут в том числе и преступники.

Но главный раздражитель в российско-китайских отношениях — драматический рост присутствия граждан КНР на нашем Дальнем Востоке. Малонаселенные и слабо развитые восточные районы России, впервые оказавшись открытыми, не выдерживают конкуренции энергичных и оборотистых китайцев. На Дальнем Востоке, да и в московских политических кругах нарастают опасения, что имеет место демографическая экспансия со стороны гигантского соседа. Звучат предостережения, что если тенденцию не пресечь, настанет день, когда китайцы численно возобладают на российском Дальнем Востоке и скажут: «Нас здесь большинство, все вокруг создано нашим трудом и принадлежит нам. В конце концов, эти земли когда-то входили в состав «Срединной империи», а значит, пора восстанавливать здесь свою власть».

Возникает вопрос: как действовать России с учетом всех названных обстоятельств? Можно, конечно, акцентировать внимание на проблемах, гадать о будущем, но, думаю, это непродуктивный путь. Хотя бы потому, что будущее, как я уже пытался обосновать в начале своего выступления, предсказать архисложно. Кстати, в начале XX в. некоторые ученые и политики утверждали, что главная опасность для России будет исходить от Китая. На самом деле враг пришел с Запада: две мировые войны у нас были с западными странами. Можно продолжать пророчествовать, но будущее нам все равно не отгадать. Зато можно спровоцировать ненужные трения. Муссируя тезис о китайской угрозе, мы бу-

дем вызывать раздражение у китайцев, накручивать самих себя и в конце концов испортим отношения с Китаем.

Вместо этого, я считаю, нашим политикам следует сосредоточиться на том, что сближает РФ и КНР и что может позволить двум странам продолжать сотрудничество. Прежде всего это взаимодополняемость наших экономик — Сибирь и Дальний Восток надо развивать. Здесь возможны два способа действия. Первый, предлагаемый некоторыми экспертами, — закрыть Дальний Восток и Сибирь и делать все собственными силами. К чему это приведет? Нам не удастся решить социально-экономические задачи собственными усилиями, но мы наверняка поссоримся с китайцами и другими соседями, если закроем эти районы для них. Более того, через 40-50 лет китайцы и другие смогут голыми руками взять эти отсталые земли под свой контроль.

Другой способ преодоления отсталости — сотрудничать с китайцами, и не только с ними, но и с корейцами, японцами, со странами Юго-Восточной Азии — со всеми, кто хочет участвовать в развитии производительных сил Сибири и Дальнего Востока. Что это даст? Во-первых, иностранцы станут конкурировать между собой, и никому не удастся добиться гегемонии. Во-вторых, в восточные районы потянется наш народ, Дальний Восток окрепнет. И даже если в перспективе что-то произойдет между РФ и КНР, нам легче будет оборонять эти районы, потому что они станут более сильными, более развитыми, с большим числом проживающих там россиян. И в-третьих, углубится взаимозависимость. Китайцы, японцы и все, кто вкладывает деньги в наши восточные районы и работает там, будут заинтересованы в процветании этих районов.

Именно фактор тесного двустороннего сотрудничества, взаимодополняемости экономик РФ и КНР должен стать главным в определении нашего подхода к Китаю. Не следует вместе с тем игнорировать и фактор близости геополитических интересов Москвы и Пекина, упоминавшийся выше. Геополитическое сотрудничество с Пекином полезно — вопрос в том, в каких пределах его осуществлять. Раздаются голоса о создании российско-китайского военного союза против США, американского гегемонизма. Есть предложения об относительно более широких альянсах с привлечением Индии, Ирана, ряда других стран. На днях я беседовал с видным ученым из Пакистана — так он и свое традиционно проамериканское государство хотел бы видеть в составе антиамериканской коалиции.

Военный союз с Пекином, однако, не получится, потому что этот союз китайцам не нужен. И они об этом четко заявляют. Китайцы слишком взаимозависимы с американцами, американцы слишком им нужны, чтобы они пошли на военный союз против США. Достаточно вспомнить объем товарооборота между Китаем и США — он примерно в 10 раз превышает наш товарооборот с КНР. А есть еще инвестиции, обмен технологиями, обучение китайских студентов в Америке. Понимает Пекин и то, что если он поссорится с Вашингтоном, то испортит отношения с американскими союзниками и друзьями, составляющими почти весь развитый современный мир. Китайские политологи в своих статьях прямо указывают на то, что США для КНР — самая важная страна, Россия стоит на втором месте.

Предположим, однако, что Пекин вступит в антиамериканский союз. Этот союз тут же развалится, как он развалился в конце 50-х годов, потому что мы две слишком большие и разные страны, у нас много несовпадающих интересов. А союзник от союзника всегда очень многого хочет. Завтра Пекину захочется начать войну против мятежного острова Тайвань, и как союзника нас попросят присоединиться. Москва воздержится — и это станет началом конца союзничества. Но даже если допустить, что российско-китайский военный альянс все-таки сохранится, — к чему это приведет? К всеобщей конфронтации и в конце концов к третьей мировой войне, которая, естественно, не нужна ни нам, ни китайцам.

Поэтому сотрудничество с Китаем в геополитической области, как мне кажется, должно состоять в том, чтобы мы, оставаясь в рамках нормальных отношений, а еще лучше сотрудничества с США и вообще с Западом, понуждали Вашингтон и его союзников вести дело к многополюсному миру, где бы полюса не соперничали друг с другом, как это бывало в прошлом, а сотрудничали. Для такого сотрудничества есть база — ООН, региональные международные организации, международное право. Есть и обширная повестка дня для многостороннего сотрудничества. Это известные проблемы: международный терроризм, распространение ядерного оружия, масса локальных конфликтов, начиная от ситуации на Корейском полуострове и кончая тем, что происходит в Африке. Это вопросы экологии, наркоторговли, оргпреступности, развития отстающих стран.

Возвращаясь к российско-китайским отношениям, к нашей политике с Китаем, отмечу, что считаю нынешнюю линию России совершенно

верной. Заключается она в том, что мы тесно сотрудничаем с КНР, действуя при этом в рамках многовекторной и сбалансированной политики. Мы стремимся иметь, насколько это возможно, одинаково хорошие или, по крайней мере, одинаково развитые отношения с США, с Китаем, с другими странами.

В.С. Мясников

Спасибо, Евгений Петрович. Что касается вопросов, я предлагаю задавать их сразу группе выступающих по ходу общей дискуссии. Как показывает опыт, это более продуктивно. Поэтому, если нет возражений, Евгений Петрович ответит на вопросы позже.

Сейчас я предоставляю слово профессору Алексею Дмитриевичу Воскресенскому, заведующему кафедрой востоковедения МГИМО.

А.Д. Воскресенский

Профессор Бажанов достаточно подробно осветил первые два блока проблем, заявленных в нашей программе. Кроме того, в небольшой моей книге, которую Никитский клуб любезно издал к этому мероприятию, международные аспекты российско-китайского стратегического взаимодействия также достаточно подробно проанализированы. Поэтому я, пожалуй, остановлюсь на третьем блоке проблем, т.е. на том, что касается собственно двусторонних российско-китайских отношений и возникающих при этом вопросов.

Сегодня политическое партнерство между Россией и Китаем достигло зрелой стадии, когда можно говорить об определенных различиях сторон в понимании международной обстановки и проблем, существующих в международной системе отношений. Кроме того, в двусторонних отношениях каждая из сторон выстраивает свою систему акцентов. Начнем с российской стороны. Для России в двусторонних российско-китайских отношениях, с точки зрения российских властей, сегодня важны четыре позиции.

Первая — защита гражданских прав всех категорий россиян в Китае, начиная от россиянок, занимающихся сексуальными промыслами, до коммерсантов, которых иногда сегодня в Китае берут в заложники для разрешения коммерческих споров.

Вторая позиция — обеспечение в соответствии с российскими законами легальных интересов китайского бизнеса, китайских граждан в России и российских бизнесменов в Китае, защита их от бюрократи-

ческого и иного произвола. Мы знаем, что в этой сфере, прежде всего именно в России, существует огромное количество проблем, связанных с нашей колоссальной неповоротливой бюрократической машиной и препонами, которые приходится преодолевать бизнесменам, чтобы решить элементарные вопросы.

Третья позиция (и соответственно третья группа проблем) связана с равноправностью экономического партнерства. Эта позиция также сопряжена с проблемой взаимодополняемости экономик России и Китая. Надо сказать, в нашем представлении о себе как о стране, способной торговать технологиями, до сих пор много неясностей. Считается, что если у России не получается продавать технологии на западном рынке, то Китай — как раз та страна, где эти российские технологии будут востребованы в массовом порядке. Сегодня очевидно, что такое представление о взаимодополняемости не найдет понимания у китайцев просто потому, что технологический уровень Китая другой, чем это было в 50-х годах. А часть нашей хозяйственной элиты до сих пор придерживается стереотипа экономических взаимоотношений с Китаем 50-х годов. В связи с этим, если взять, к примеру, экспорт в Китай российской машиностроительной продукции, то он упал с 28% в 1998 г. до 12% в 2001 г., а в 2004 г. составил только 5%. Многие сегодняшние российские технологии, к сожалению, Китаю не нужны, потому что он ими или уже обладает, или может купить более современные, более дешевые, более надежные на Западе. С другой стороны, в России есть уникальные технологии, представляющие интерес для многих стран, включая Китай, но они не доведены до уровня коммерческой продажи, не запатентованы, не имеют государственных гарантий или не обеспечены инфраструктурной, инвестиционной, сервисной и т.д. поддержкой.

Если рассматривать взаимодополняемость наших экономик с точки зрения китайской стороны, то китайские политики, китайские дипломаты, китайские бизнесмены говорят, что они понимают эту взаимодополняемость как наличие колоссальных природных ресурсов, которыми обладает Россия, и колоссальных демографических ресурсов, которыми обладает Китай. Но как мне представляется, российская политическая и экономическая элита вряд ли согласится с таким пониманием взаимодополняемости российской и китайской экономик.

Четвертая позиция российских интересов связана с тем, как перевести сотрудничество с Китаем в рамки экономически зрелого партнерства, видимо, задуманного с самого начала, т.е. как перевести сотрудни-

Ж клуб

Нижинский

Фото Л. Панкратовой

А.Д. Воскресенский

чество в область высоких технологий, инвестиций, зрелых экономических отношений и т. д. За цифрами российского технологического экспорта, которые я только что называл, стоит стратегическая проблема: если в конце 90-х годов XX в. ряд российских политических деятелей и экспертов говорили, что партнерство с США их не устраивает, в частности, потому что Россия окажется «младшим братом» в этом партнерстве и ресурсным придатком, то с новым стратегическим партнером — Китаем — в области экономики тоже не все обстоит так, как это первоначально представлялось нашим экономическим стратегам.

Теперь о том, что касается китайских представлений о проблемах, мешающих развитию нашего стратегического конструктивного партнерства. Три таких проблемы озвучены достаточно открыто, остро и прямолинейно. Это, во-первых, распространенная в России теория «китайс-

кой угрозы», которая, по мнению китайской стороны, не имеет никаких реальных оснований и мешает нашему стратегическому партнерству. Во-вторых, надуманная, с точки зрения китайской стороны, проблема якобы незаконной миграции китайцев в Россию. В-третьих, территориальные претензии. Коротко прокомментирую эти три позиции.

О теории «китайской угрозы»: китайцы очень активно и, надо сказать, вполне справедливо говорят, что наличие представлений о Китае как о враге очень мешает развитию и укреплению стратегического партнерства с Россией. В этом вопросе есть, судя по всему, две стороны. Одна сторона — реальные, острые проблемы в отношениях с Китаем, точнее, в восприятии Китая россиянами, другая — это реальные проблемы, существующие в самой России. Мне кажется, что в проблеме «китайской угрозы», как и в проблеме незаконной массовой китайской иммиграции (т.е. миллионах китайцев, якобы уже заселивших Россию, но их никто не видит), есть отражение внутрироссийской ситуации, которую предпочитают не замечать: население российского Дальнего Востока так «замордовано» экономической и политической ситуацией последних 15 лет, что миф о «китайской угрозе» и массовой незаконной иммиграции китайцев превратился в социальную фобию. Но понимание факта такой социальной фобии не меняет сложности её контекста, потому что нашим властям с этим нужно что-то делать, а «лечить» социальную фобию гораздо сложнее, чем решить проблему незаконной иммиграции силовым путем.

В проблеме незаконной китайской иммиграции до сих пор много неясного, потому что по представлениям китайской стороны, на территории России проживает, образно говоря, сто китайцев. По данным последней российской переписи населения, в России официально проживает 35 тыс. китайцев; по неофициальным данным, озвученным некоторыми высокопоставленными чиновниками, — до 240 тыс. Китайские власти говорят, что эти люди не проживают постоянно на территории России, а просто приезжают на какое-то время заняться бизнесом, после чего уезжают обратно в Китай. Окончательной ясности все равно нет, хотя, я думаю, что российское государство сегодня сделало всё для того, чтобы нелегальную иммиграцию в Россию поставить в законные, жесткие рамки.

Есть и другая сторона вопроса. Если Россия с Китаем хочет сотрудничать и строить продвинутое экономические отношения — а у этих отношений действительно есть колоссальные перспективы, так как ки-

тайские официальные лица считают, что Китай и Россия могут нарастить свой товарооборот к 2010 г. до 80-100 млрд. долл., — то, безусловно, должна быть прослойка специалистов, каждодневно занимающаяся этими экономическими отношениями. Если обратиться к истории, то в 20-30-х годах XX в. в России проживало до 1 млн. китайцев, хотя также существовали разные теории о «желтой опасности» и были свои, очень острые проблемы. Кроме того, поставленную политическую и экономическую задачу обеспечить удвоение ВВП в России в условиях сокращения российского населения примерно на 900 тыс. в год, ускорения процедуры получения российского гражданства и разрешения на работу русскими и русскоговорящими из «ближнего зарубежья» просто скоро некому будет выполнять.

Вопрос о территориальных претензиях и «неравноправных договорах». Сегодня эта проблема не политическая, не является она и проблемой российско-китайских межгосударственных отношений, так как в российско-китайском договоре специально отмечено, что у сторон нет друг к другу территориальных претензий. Сегодня, после прочтения опубликованных в интернете выдержек из некоторых китайских рассекреченных материалов, складывается впечатление, что заявление Мао Цзэдуна 10 июля 1964 г. о существовании «территориального реестра» в 1,5 млн. кв. км, которые Россия якобы отторгла у Китая, было сделано для того, чтобы оказать нажим на советскую пограничную делегацию и заставить советских руководителей подписать с Китаем пограничное соглашение.

Сегодня китайской стороной рассекречен целый ряд бесед Мао Цзэдуна, состоявшихся 10 сентября 1964 г., 7 и 9 октября 1964 г. с руководством французской выставки, с делегацией КНДР, с албанским министром обороны, из которых становится ясно, каким образом Мао Цзэдун мог инициировать эту проблему и как он пояснил всему миру, за исключением советской стороны, что это был тактический прием китайской дипломатии. Реальное содержание этих бесед, судя по всему, было известно в Китае только узкому кругу высшего руководства. Из анализа их текста складывается впечатление, что это был стратегический дипломатический ход, направленный на то, чтобы сдвинуть с мертвой точки советско-китайские пограничные переговоры и подтолкнуть Н. Хрущева на подписание пограничных соглашений с Китаем. Однако из-за взаимного непонимания и подачи журналистами этих бесед в стиле «желтой прессы», а также, в частности, и потому, что долгое время их содержание

не было рассекречено, передавалось изустно, а текст не вошел ни в одно официальное собрание сочинений Мао Цзэдуна (вплоть до сегодняшнего дня), Н. Хрущев и последующие советские руководители справедливо восприняли эти заявления как посягательство на территориальную целостность и суверенитет Советского Союза. Это привело к обострению ситуации на советско-китайских пограничных переговорах. Переговоры были прерваны, и разгорелась печально известная полемика в ведущих средствах массовой информации Советского Союза и Китая о том, кто у кого сколько отнял. В конечном счете, уже по вине китайской стороны, это привело к кровавым столкновениям на советско-китайской границе в районе о. Даманский и поселка Жаланашколь, где погибли люди.

Тем не менее и в этом вопросе сегодня остается много неясностей. Эта проблема также нуждается в серьезном изучении. Мао Цзэдун говорил о том, что «счет» по «территориальному реестру» он предъявлять СССР не будет, и сказал, что все это — «пустые слова», употребив китайское выражение «кун хуа». Вместе с тем концепция «неравноправных договоров» с четким и конкретным перечислением, сколько и каких земель царская Россия якобы отторгла у Китая по этим неравноправным договорам, была озвучена Мао Цзэдуном, высшим руководителем Китая, и на протяжении последних десятилетий единодушно прокомментирована и многократно в письменной форме воспроизведена всеми китайскими учеными. Эта концепция была упомянута Дэн Сяопином в беседе с М. Горбачевым, она циркулирует в Китае вплоть до настоящего времени. Сегодня беседа Дэн Сяопина с Горбачевым трактуется китайскими политологами так, что все рассказы Дэн Сяопина о старых российско-китайских договорах — изложение дел давно минувшей старины. Дэн Сяопин, по мнению китайских политологов, говорил об этом Горбачеву только для того, чтобы подвести черту под этой проблемой. Отсюда, соответственно, метафорическая формула Дэн Сяопина «закрыть прошлое и открыть будущее». Дэн Сяопин в этой же беседе повторил выражение Мао Цзэдуна, что территориальная проблема является «пустыми словами», правда, китайские политологи при этом говорят, что Дэн Сяопин не пояснял конкретно, что же все-таки в этой проблеме является именно «пустыми словами».

По мнению современных китайских политологов, эта беседа с Горбачевым была использована китайским руководством для того, чтобы отделить историческую проблему «неравноправных договоров» или различного понимания истории в Китае и России от современных российско-китайских политических отношений. Это произошло, по мне-

нию китайских политологов, именно во время беседы Дэн Сяопина с М. Горбачевым. Отсюда вытекает особое значение российско-китайского договора 2001 г. о развитии отношений, который подписал Цзян Цзэминь. Этот договор открыл для нового китайского руководителя Ху Цзинтао возможность развивать с Россией отношения стратегического партнерства. Цзян Цзэминь не подверг никакому сомнению тот факт, что по мнению китайской стороны, договоры прошлого с царской Россией были неравноправными для Китая, но еще раз сказал, что нужно отделить прошлое от настоящего и заключил с Россией договор, в текст которого вписано положение об отсутствии территориальных претензий.

Теперь то, что остается в подтексте. Концепция «неравноправных договоров» активно оспаривается и опровергается подавляющим большинством серьезных российских исследователей, хотя на протяжении последних 100 лет в русскоязычной литературе было разное толкование российской истории, а в мировой науке продолжается активная полемика по этим вопросам, связанная как с переосмыслением исторического прошлого, так и с введением в научный оборот новых, ранее неизвестных архивных материалов. Китайские исследователи единодушно поддерживают концепцию «неравноправных договоров». Её истинность никогда и никем в Китае на протяжении последних 100 лет не подвергалась сомнению. На этот счет не существует никаких кардинально модифицированных взглядов со стороны китайских общественных наук. Эта тема никогда и никак по-новому не рассматривалась ни одним из многих китайских аспирантов, защищавших диссертации в России по проблемам российско-китайских отношений.

В связи с этим возникает риторический вопрос: если в прошлом все же были заключены неравноправные договоры, в частности о границе, то как можно на такой основе строить современное стратегическое партнерство и можно ли верить стратегическому партнеру, который в прошлом якобы отнимал чужие земли? Здесь остается сожалеть, что выдержки из упомянутых мною ранее засекреченных бесед Мао Цзэдуна (тексты которых, кстати, имеют несколько различных редакций) стали публиковаться в журналистских статьях только в 2004 г. — без сколько-нибудь серьезных исторических ссылок и серьезного комплексного исторического анализа и оценок.

Вопрос этот настолько важный и болезненный, что не может быть упомянутым вскользь. По-видимому, теперь, на новом этапе стратегических отношений между Россией и Китаем российские и китайские

ученые уже в спокойной обстановке научной дискуссии могли бы вновь исследовать эту научную проблему во всей полноте и найти какой-либо приемлемый вариант объяснения непростой исторической действительности. Наверное, и политические элиты Китая и России также постепенно должны скорректировать и более четко определить свое отношение к этой проблеме. Именно поэтому часть российских исследователей выступают за необходимость заключения с Китаем специального пограничного договора после полной делимитации и демаркации российско-китайской границы, который навсегда закрыл бы этот вопрос для будущих поколений россиян и китайцев.

По-видимому, также нуждается в дополнительном исследовании проблема взаимодополняемости российской и китайской экономик. Также нуждается в исследовании проблема конструирования образа Китая в России и образа России в Китае. Несколько заседаний нашего клуба было посвящено образу России за рубежом (Выпуск 1: Восприятие современной России за рубежом — М., 2000. — *ред.*) и восприятию конкретных стран в России (Выпуск 8: Зарубежье глазами россиян—М., 2001. — *ред.*) Но хотя в то время было много разговоров о том, что следует создать специальные политические институты, которые будут заниматься образом России, если я не ошибаюсь, все осталось в том виде, в каком наш Никитский клуб обозначил проблему три года назад.

И последнее. Я уже говорил о том, что нужно дополнительное изучение Китая Россией и России Китаем, потому что сегодня россияне и китайцы — как политическая элита, так и наши народы — не имеют адекватного представления друг о друге. Евгений Петрович Бажанов говорил о конструировании треугольника Россия–Китай–США. Нужно четко понимать, что у китайской политической элиты никаких иллюзий по поводу конструирования блока противостояния с США нет. Такие иллюзии есть у части российской политической элиты. А китайская политическая элита и китайская дипломатия говорят о том, что теория многополярности не имеет конфронтационного характера, что Китай объективно заинтересован в сильных полюсах мирового влияния, включая Россию. Китай не заинтересован в слабой России, но и крах США как центра силы Китаю также не выгоден. Многополярность, с точки зрения китайцев, не означает отказ от партнерств. Многополярность и развитие отношений между различными сторонами в треугольнике Россия–Китай–США отнюдь не означает, что это должно приводить к ухудшению отношений в той или другой части треугольника, т.е. сближение с

Россией не означает каких-либо интриг против США и что Китай не будет продолжать сближение с США.

В.С. Мясников

Прежде чем предоставить слово следующему выступающему, хочу добавить несколько важных, с моей точки зрения, вопросов для обсуждения.

В Китае выделен ряд актуальных общегосударственных национальных задач, и я хотел бы, чтобы в нашей дискуссии была дана оценка как самим задачам, так и возможности взаимодействия России с Китаем. Первая общенациональная задача — отгалькиваясь от тезиса Алексея Дмитриевича — закончить пограничное урегулирование с соседями. С Россией уже подписаны определенные соглашения о границах в 1991–1994 гг. В договор включена статья 6, обязывающая окончательно завершить все имеющиеся небольшие вопросы, и есть предположение, что в октябре с.г. это будет сделано.

Но если одна из национальных задач Китая заключается в том, чтобы обеспечить стабильность своих границ, то другая национальная задача — это программа, связанная с возвращением из-за рубежа китайских ученых, которым в Китае создаются условия не хуже, а даже лучше, чем за рубежом, и даже лучше, чем в США. В соответствии с этой программой ученый, вернувшись на родину, может получить лабораторию, высокую зарплату и работать на самом современном оборудовании.

Следующая проблема — развитие западных районов. Диспропорция развития в Китае состоит в том, что на протяжении первых двух десятилетий реформ восточные районы — приморские — сильно продвинулись, достигнув очень высокого уровня — уровня средних европейских государств, как планировало китайское руководство. Но западные районы, центральный Китай все еще остаются крайне отсталыми, хотя и здесь уже есть существенные изменения: строится потрясающая железная дорога на Тибет на высоте 5000 метров. Представляете, в горах, в Гималаях, морозы до 50 градусов — только китайская армия может вести такую работу, продолжая в таких условиях строить стратегическую железнодорожную магистраль в Лхасу! И на Тибете, где на протяжении тысячелетий жили только монахи и яки, уже совершенно другая картина: теперь молодые тибетцы заняты бизнесом, в основном туристическим, и разъезжают на внедорожниках — «Тойотах» и т.д. Это к вопросу о том, как в Китае решаются проблемы диспропорции.

В Китае существует три старые известные кризисные проблемы. Первая, очень серьезная — экологическая: проблема питьевой воды, проблема воздуха, проблема наступления песков на Пекин. Сейчас при подготовке к Олимпийским играм предпринимаются судорожные усилия, чтобы защитить Пекин от наступления песков пустыни. Вторая проблема — энергетика. Китайцы запланировали очередную пятилетку с расчетом на поставку нефти из России. Но пока мы не намерены строить нефтепровод в Китай. Г. М. Фадеев (президент ОАО «Российские железные дороги» — *ред.*) говорит, что будем перевозить нефть железнодорожными составами, что в три раза дороже, чем по трубе. Естественно, у китайцев это вызвало возмущение: «Мы на вас надеялись, что же вы нас так подвели!» И здесь скрыта другая проблема — поднять российско-китайские отношения до уровня японско-китайских и китайско-американских. Важная задача, — но как убедить наших бизнесменов работать в Китае? Я не занимаюсь бизнесом, не знаю, но это какая-то странная, я бы сказал, психологическая загадка.

В качестве примера небольшой эпизод из личного опыта. В 2001 г. был дан обед на высшем уровне в Кремле в связи с подписанием договора между нашей страной и Китаем. Кресло рядом со мной оставалось свободным: кто-то опаздывал. Когда были уже сказаны речи, все приступили к еде, вдруг прибегает какой-то молодой человек и, запыхавшись, говорит: «Касьянов все-таки заставил меня подписать соглашение о проведении трубы в Китай». Я посмотрел на него с удивлением и спросил: «А почему вас надо было заставлять? Это выгодное дело». Этим молодым человеком оказался М. Ходорковский. Тогдашнему премьеру надо было убеждать, действительно заставлять его провести нефтяные трубы в Китай. Дело, в общем, так и закончилось ничем.

Это небольшая история говорит о том, что даже умные люди, продвинутые бизнесмены с широким кругозором не понимают Китай и не понимают своих выгод в Китае. В противоположность русскому капиталу, который в XIX в. активно внедрялся в Китае (русские концессии были в Тяньцзине, в Ханькоу, в других городах), наш капитал ожидает прихода китайского бизнеса в Россию. На таких основаниях мы ничего с ними не построим.

И, наконец, демографическая проблема. Сергей Петрович создал прекрасную теорию глобального демографического перехода, согласно которой мы надеемся, что к середине века в Китае начнется постепенное уменьшение населения, численность которого сократится до при-

емлемых для страны размеров. Но пока для китайского правительства это, безусловно, сильнейшая головная боль. И самое правильное здесь — проявлять деликатность, не напоминать китайцам об этой проблеме.

Разрешите мне после такого вмешательства в течение дел предоставить слово выдающемуся китаеведу, профессору Льву Петровичу Делюсину.

Л.П. Делюсин

Откровенно говоря, после выступлений Е. П. Бажанова и А. Д. Воскресенского мне трудно сказать что-то новое, поэтому, может быть, я в чем-то повторюсь.

На протяжении многих лет я слежу за тем, как у нас освещается китайская тема. Меня удивляет, что несмотря на огромный прогресс, достигнутый в развитии российско-китайских отношений, до сих пор в нашей печати появляются статьи, где твердят о том, что Китай представляет военную угрозу для нашей страны. Кто стоит за такими публикациями? Кто заинтересован в том, чтобы нагнетать истерию насчет военной угрозы? Я уж не говорю о раздувании демографической проблемы на Дальнем Востоке. На одном совещании мне пришлось услышать, что там якобы 2 млн. китайцев. Но проблема Дальнего Востока состоит не в том, что туда приезжают китайцы, а в том, что оттуда уезжают русские. В этом виноваты не китайцы, а виновата российская коррумпированная бюрократия Дальнего Востока, которая не создает условий для проживания русских. И винить китайцев за то, что они осваивают Дальний Восток, на мой взгляд, вредная и глупая затея.

Я вспоминаю свои поездки во Владивосток в 50-х годах: местные русские с благодарностью вспоминали о временах, когда китайцы населяли этот край. При них не было проблем ни с молоком, ни со свининой, ни с овощами. Но как только Сталин выселил китайцев с Дальнего Востока, во владивостокских магазинах все исчезло и на прилавках можно было увидеть только керченскую селедку. Поэтому, я считаю, надо узаконить пребывание китайцев на Дальнем Востоке и благодарить их, приезжающих осваивать и помогать развивать экономику этого края. Это одна проблема.

Другая волнующая меня проблема — попытка отдельных наших ученых и общественно-политических деятелей создать теорию о возможности китайско-индийско-российского союза, по существу, на антиамериканской основе. Это тоже нелепая, невыполнимая затея. Китай

Фото Л. Панкратовой

Л.П. Делосин

сейчас уже не тот, каким был раньше. Китай стал самостоятельным государством и проводит самостоятельную политику, что выгодно нашей стране. Нашей стране выгодно, что, исходя из своих деловых и политических интересов, Китай не делает предпочтений Америке или России в ущерб той или другой стороне.

Мы пережили несколько этапов в развитии советско-китайских и российско-китайских отношений. Первый этап был временем вечной и нерушимой дружбы и любви, второй — вечной и неизменной вражды, доходившей до событий на Даманском.

Сейчас наступил период хозрасчета, когда наши отношения с Китаем строятся на деловой основе, и эти отношения более прочные, хотя есть много проблем, о которых говорили и Е. Бажанов, и А. Воскресенский. Но мне кажется, что эти проблемы естественны,

поскольку в деловой сфере работает принцип «дешевле купить — дороже продать». В том, что Китай действует более умело, никакой вины его нет. Некоторые объясняют это жесткой экспансионистской политикой, но Китай проводит ту политику, которая отвечает его национальным интересам. Мы тоже должны учитывать свои национальные интересы в отношениях с Китаем, и когда эти интересы совпадают — выгодно обсем сторонам.

Что касается внутреннего развития, то перед Китаем, на мой взгляд, сейчас стоят огромные проблемы. Прежде всего — Владимир Степанович говорил об этом — на северо-западе и юго-западе. По этому поводу в Китае идут споры, и новое руководство выступает за более активное освоение этих регионов и северо-востока — вопреки «шанхайской банде», как они называют Цзян Цзэмина, готового вкладывать деньги только в шанхайский район.

Далее — так называемые три аграрные проблемы. Первая из них заключается в том, что несмотря на успехи после 25 лет реформ уровень китайского крестьянства остается очень низким. Крестьян в Китае все время обременяют разными налогами и поборами, которые не дают возможности подняться до среднего зажиточного уровня. Вторая проблема — китайские села, сложность благоустройства китайских деревень, многие из которых представляют собой средневековые обиталища. И третья аграрная проблема Китая — низкий уровень сельского хозяйства. Сейчас, после вступления Китая в ВТО, эти проблемы особенно обостряются и им китайское руководство собирается уделять усиленное внимание.

Что касается демографической проблемы Китая, — я вспоминаю слова одного моего японского друга, китаиста, который говорил, что эта проблема не разрешима, и в ней источник всех коллизий и конфликтов в Китае. Хотя китайцы утверждают, что их сейчас 1 млрд. 200 тыс., на самом деле китайцев 1 млрд. 600 тыс., и прекратить рост населения невозможно. В Китае за каждого лишнего ребенка берут штраф 4000 юаней в год, представители среднего класса готовы его заплатить. Для китайских крестьян это большая сумма, но, тем не менее, китайские крестьяне рожают больше, чем им положено. Угроза, что жену уволят после рождения второго ребенка, не страшит китайца, его больше волнует, чтобы семья не была однодетной.

Демографическая проблема в Китае усугубляется отсутствием системы пенсий для крестьян. И пока нет системы пенсий, крестьяне будут

рожать столько, сколько захотят, и давать взятки чиновникам, которые берут их, закрывая на все глаза. Правда, потом, когда приходит время поступать в школу ребенку, который нигде не зарегистрирован, возникают сложности.

К перечисленным проблемам добавляется и то, что до сих пор не удалось отстранить от дел Цзян Цзэмина. Цзян Цзэмину удалось протиснуть в высшее руководство Китая своих ставленников — беспринципных, коррумпированных, ведущих большую скрытую и открытую борьбу с Ху Цзиньгао и Вэнь Цзябао. Поэтому новый курс, о котором говорят китайцы — «ху вэнь синь чжань», новый курс, новая политика Ху и Вэня, — встречает до сих пор большое сопротивление. Причем дело доходит до того, что выступления Ху Цзиньгао подвергают цензуре работники агитпропа ЦК КПК и удаляют из них то, что, по мнению цзянцзэминовцев, не подходит для нынешней ситуации в Китае. В частности, вопрос о роли конституции.

Ху Цзиньгао с первых дней своего вступления в должность генсека заявил о том, что нужно поднять значение конституции. Казалось бы, нормальное дело. О том, что партия должна действовать в рамках конституции, говорил еще Ху Яобан, но до сих пор практически не решен вопрос — партийное руководство или конституция. Это продолжает волновать китайцев, потому что коррумпированный, бюрократичный китайский чиновник не привык действовать в рамках закона и конституции. И слова о том, что партия должна подчиняться закону и действовать на основе закона, встречают сопротивление со стороны чиновничества.

Я говорю о внутренних китайских проблемах, потому что они прямо касаются развития российско-китайских отношений. Китай больше занят своими внутренними, очень трудными и сложными проблемами, чем внешнеполитическими. Для них ясен курс, определенный Дэн Сяопином: не вступать ни с кем в союзы, со всеми поддерживать дружеские отношения, «не зарываться», не показывать, что «мы — великая держава». В этом, мне кажется, одна из особенностей состояния нынешнего Китая.

В.С. Мясников

Спасибо, Лев Петрович, я хотел бы предоставить слово Андрею Ниязовичу Карнееву, заместителю директора ИСАА при МГУ.

А.Н. Карнеев

На мой взгляд, тема сегодняшнего заседания была сформулирована уместно и весьма своевременно. Как мне представляется, мы сейчас свидетели некоего нового этапа в эволюции внешнеполитической стратегии Китая. Понятно, что этот новый этап опирается на достижения 25 лет бурного экономического роста, на растущую мощь китайского государства, на процессы успешной интернационализации китайского народного хозяйства. Но мне кажется, что проецируя это на наши двусторонние отношения, следовало бы посмотреть, что новое в китайской внешнеполитической стратегии, проявляющееся уже на данном этапе, можно использовать.

В конце прошлого года во влиятельном американском журнале «Foreign Affairs» была опубликована статья, получившая значительный резонанс, под названием «China's New Diplomacy», в которой, на мой взгляд, очень метко была сформулирована новая стадия китайской внешнеполитической стратегии. В прежние годы Китай, будучи, пожалуй, главным бенефициаром в сложившейся в последней четверти XX в. международной политико-экономической системе, старался максимально пользоваться преимуществами участия в этой системе, не прилагая особых усилий к ее поддержанию и при минимальных обязательствах перед мировым сообществом. Но теперь наступил момент, отмечает американский журнал, являющийся рупором политического истеблишмента США, когда Китай готов брать на себя в глобальном масштабе гораздо большую ответственность, примеряет на себя роль «ответственной державы». Приводится несколько характерных примеров. Это, скажем, активная роль Пекина в попытках разрешения корейского кризиса, прагматичный подход к урегулированию споров в Южно-Китайском море, договор о дружбе и добрососедстве 2001 г. с Россией, создание Шанхайской Организации Сотрудничества, участие Китая в миротворческих операциях в Восточном Тиморе, Конго и пр.

Можно говорить о том, что Китай действительно расставляет новые акценты в знаменитой формуле Дэн Сяопина «таогуан янхуэй» из 28 иероглифов. Как многие помнят, в ней Дэн Сяопин определил, что Китаю следует «не высовываться, хладнокровно наблюдать за событиями в мире и не спеша накапливать силы».

А теперь наступил этап, когда нужно от дипломатии «затаившегося дракона и крадущегося тигра» переходить к новой, более проактивной внешнеполитической стратегии, стратегии «ответственной мировой

державы». Видимо, анализ этой качественно новой стратегии еще предстоит сделать, ибо переход к ней, с одной стороны, совпадает с переходом власти от третьего к четвертому поколению руководителей. С другой стороны, не стоит так сильно противопоставлять курс Ху Цзинтао—Вэнь Цзябао и предыдущего руководства.

Мне также представляется важным обратить внимание собравшихся на концепцию «мирного подъема Китая», которая стала одной из самых горячих тем обсуждения китаеведов на протяжении последних месяцев, начиная с ее официального выдвижения в декабре 2003 г. Правда, как это часто происходит, концепция стала, с одной стороны, предметом политической борьбы в самом китайском руководстве, в результате чего произошло снижение градуса её обсуждения. С другой стороны, концепция «мирного подъема Китая», призванная противодействовать теориям «китайской угрозы» в международном масштабе, наоборот, еще больше напугала многих наблюдателей за рубежом, что также может быть причиной заметного приглушения ее публичного обсуждения. Тем не менее, по некоторым сведениям, около 20 научных и аналитических центров в Пекине и Шанхае продолжают активно заниматься разработкой этой идеи.

Мне кажется, несмотря на то, что можно по-разному интерпретировать намерения китайского руководства при объявлении им концепции «мирного подъема Китая», нужно посмотреть, как это может быть спроецировано на отношения КНР с основными соседями.

В частности, мы знаем, что Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС) — первый пример многосторонней региональной организации, в создании которой Китай не просто принял активное участие, но и выступил наиболее инициативным членом и локомотивом этой организации. В то же время я хотел бы поддержать мысль профессора Воскресенского, поставившего вопрос о равноправности дальнейшего экономического партнерства. Если попытаться объективно спрогнозировать будущее развитие ШОС как некоего интеграционного механизма, в котором взаимодействуют Россия, Китай, страны Центральной Азии, то можно увидеть некую асимметрию. В то время как российская дипломатия старается выдвинуть на первый план вопросы обеспечения региональной безопасности, противодействия терроризму, военно-политического сотрудничества, китайская сторона все более настойчиво, хотя пока достаточно мягко, старается продвигать вопрос об экономическом наполнении. Она напоминает о том, что без экономического наполнения и ШОС, в част-

А.Н. Карнеев

ности, и стратегическое сотрудничество России и Китая в целом могут оказаться под вопросом, так как будут лишены реального содержания.

Но что произойдет, если стороны попробуют всерьез реализовать модель, продвигаемую последние годы китайской стороной во взаимоотношениях со странами Юго-Восточной Азии: ускоренная экономическая интеграция, создание зоны свободной торговли и т.д.? Я пытался задать этот вопрос российским коллегам и коллегам из некоторых стран Центральной Азии. Складывается впечатление, что пока мало кто готов к подробному разговору на эту тему. Известно, что за годы реформ китайская промышленность совершила своего рода «большой скачок» в области экспансии на мировой рынок, — сейчас созданы огромные избыточные мощности по большинству товарных позиций. Причем, если раньше это были предприятия, производящие в основном извес-

тный набор трудоемких низко-технологичных товаров, сейчас китайские товары конкурентоспособны и в высокотехнологичном сегменте. Что произойдет в случае создания такой зоны свободной торговли, которую китайские коллеги уже ставят на повестку дня? Не будет ли массовый наплыв дешевых китайских товаров еще одной «шоковой терапией»? Видимо, пока это обсуждение у нас не началось в полной мере. Мне кажется, об этом следовало бы подумать более внимательно. Кто рассуждает об альтернативе сотрудничества или конфронтации с Китаем, о риске ухудшения отношений. Но с другой стороны, нужно видеть и риск слишком тесных объятий стратегического партнера, стратегического взаимодействия, выстроенного по инерции «для развития дружбы», без продуманной стратегии, без четкой концепции возможных компенсационных мероприятий и механизмов.

Возвращаясь к полемике о «мирном подъеме Китая», мне представляется необходимым затронуть еще один аспект, связанный с первым вопросом нашей дискуссии, а именно проблему борьбы за лидерство в глобальном масштабе. Есть точка зрения, что китайское экономическое чудо бросает вызов самим основаниям современного миропорядка, исходящего из все более освобождающегося от всех и всяких ограничений капитализма и военно-политического могущества одного мирового гегемона... Хотя на самом деле здесь возможны разные точки зрения, и по крайней мере одна из них гласит, что Китай с его масштабами экономики и темпами роста создает некую потенциально альтернативную политико-экономическую систему, которая будет не только еще одним центром силы, но по своей природе предназначена бросить вызов существующей иерархии миропорядка, возглавляемой США. Другая точка зрения состоит в том, что подъем Китая, экономическое чудо и пр. — это, собственно, явление сколь естественное, столь и заурядное, состоявшееся по той причине, что Китай просто вовремя вскочил на подножку поезда экономической глобализации, воспользовался преимуществами интеграции в существующую политико-экономическую систему. Подумаем о том, что идея «мирного подъема» тоже есть некий сигнал, посылаемый внешнему миру. Хотя, как я сказал бы, это многоаспектная идея, и она применима к целому спектру проблем, начиная от мирного/немирного разрешения тайваньского вопроса и кончая отношением к таким вопросам, как «монополярность» и «столкновение цивилизаций».

В частности, применительно к отношениям США—Китай, эта концепция, санкционированная на первом этапе китайским руководством,

позволяет более точно прогнозировать направление дальнейшей эволюции политики Пекина. И тут можно увидеть, что Китай действительно не видит для себя смысла сближения с какими-то другими центрами силы на антиамериканской основе. Наоборот, Китай заявляет о том, что в отличие от возвышения в начале XX в. Германии и Японии, усиление совокупной мощи Китая вполне может пройти без ломки и потрясений, в рамках правил игры, существующих в современном мире. А это значит, что Китай готов по многим глобальным и региональным проблемам проявить большую, чем раньше, гибкость, больший прагматизм и большую степень сотрудничества. И что, проецируя это на проблематику российско-китайских отношений, нужно научиться правильно видеть побудительные мотивы этой политики и прагматически использовать в двустороннем или многостороннем формате.

В.С. Мясников

Я хотел бы заметить, что в «теории мирного подъема Китая» давно уже присутствует следующий аспект: китайцы говорят, мы, конечно, будем мировым лидером, но не за счет силовых ресурсов и даже не за счет экономики, а за счет несомненных ценностей китайской духовной культуры, которая станет достоянием всего человечества. Я слышал такое от китайских коллег, но насколько это возможно, не могу утверждать. Во всяком случае, так ставится задача.

Я прошу выступить Александра Игоревича Салицкого, ведущего научного сотрудника ИМЭМО РАН.

А.И. Салицкий

Дискуссии в «Никитском клубе» предполагают работу на уровне базисных понятий экономики и политики. Опыт, накопленный в России за годы рыночных преобразований, дает право на обобщения, в известной степени обязывает к ним. Теория связана с практикой. Рискну заметить, что возможный прорыв в теоретическом и идеологическом взаимопонимании с Китаем способен компенсировать потерю лица в отношениях с этой страной, случившуюся в последние годы. В числе проблем, о которых стоит подумать в теоретическом и практическом плане, – соотношение либерализации и развития, понятия «рынок», «государство», «капитал». Попробую сформулировать некоторые пункты для обсуждения.

Пора признать временным и, возможно, завершающимся абсолютное лидерство Запада в глобализации, уяснив причины широкого распро-

странения либеральных подходов к мировой экономике и торговле в последние два-три десятилетия. Это не только политика международных финансовых институтов, основанная на некоторых монополиях Запада (подробнее об этом я скажу дальше), но и углубление международного разделения на стадии массовой индустриализации планеты, а также простой факт, что число стран в мире за послевоенный период увеличилось вчетверо. В малых странах невозможно было создать относительно комплексные хозяйства и свои ТНК. Теперь упомянутые факторы уже не действуют: в 80–90-х гг. стало проявляться опережающее развитие сферы услуг (многие виды которых теснее привязаны к национальной культуре и языку, чем промышленное производство), а также смещение в эту область значительной части научных исследований. В результате усиливается фрагментация мирового хозяйства (она не противоречит интересам ТНК) и полицентризм (регионализм), т.е. стремление к относительно комплексному развитию регионов. Это прямо не противоречит глобализации — в большинстве случаев регионализация выступает еще и как средство успешной адаптации глобализации.

Очевидно, что понятия «капитал», «инвестиции», «деньги» нуждаются в дифференциации. Неслучайно, например, центр мировой экономической динамики сместился в крупнейшие азиатские страны (по некоторым прогнозам, 80% прироста мирового ВВП в 2001–2005 гг. придется на КНР, Индию и страны АСЕАН), на практике осуществляющие селективную политику в отношении иностранного капитала (в том числе в зависимости от его размера). В Восточной и Южной Азии в основном удалось защитить рынок от монополий, в том числе от зарубежных ТНК, сотрудничая с ними.

Действительная противоположность рынку — не национальное государство, а монополии, включая ТНК, создающие собственные, не рыночные сегменты экономики. Противопоставление рынка государству, а интеграции в мировую экономику — изоляцию (хотя в крупных странах преобладала адаптация к глобализации) на практике может повлечь подавление внутренних рынков извне, чрезмерное ослабление контроля над крупным национальным капиталом, снижение темпов экономического роста и опасное ослабление управления.

Экономическая роль государства в Китае с середины 90-х гг. не только модифицируется, но и усиливается, если учитывать финансовую роль центра, растущую мощь государственных корпораций (преиму-

А.И. Салицкий

щественно многоотраслевых концернов), долю бюджета в ВВП, активную кредитную политику, инвестиции в науку и т.д. Не исключено, что это объективная и универсальная закономерность хода реформ: развитие (в том числе рынка) на определенном этапе требует от государства не только защиты результатов рыночных преобразований, но и вложений в инфраструктуру и усиления перераспределения для повышения емкости рынка (совершенно не правомерно противопоставление рынка и социализма). Такая стадия реформ, по-видимому, связана с тем, что основным ограничителем становится уже не дефицит капитала (его нет ни в Китае, ни в России), а платежеспособный спрос (в Европе схожий этап приходился на рубеж 50–60-х гг.).

В рамках такого понимания положения вещей есть смысл констатировать, что монетаризм уже успешно освоен в России и Китае, торговля и

движение капитала либерализованы в более чем достаточной степени, финансовая стабилизация в основном достигнута. Дальнейшие же шаги по пути либерализации международного движения капитала, товаров и услуг содержат чрезмерные риски как для нас самих, так и для наших ближайших соседей. Стоит напомнить, что стадия «рыночной зрелости» Запада привела к падению темпов роста за последние 30 лет. Куда более успешным был период 50–60-х гг., когда в Европе и Японии господствовали национальные межотраслевые концерны (похожие на нынешние корпорации России и Китая), а государство регулировало рынок.

Крупные национальные компании, а также банки России и Китая, по сути отличающиеся от западных ТНК, при политической поддержке своих государств и научных кругов (здесь у нас еще очень широкое поле для работы) способны существенно обогатить наше взаимодействие. Отечественному капиталу, кстати, полезно дать понять, что он работает не только «на рынках», но еще и в странах, избавив его тем самым от крупных ошибок.

Высокая конкурентоспособность Индии и Китая в услугах и промышленности уже предоставляет дополнительные варианты выбора своего места в мировой экономике относительно некрупным странам, следующим принципам свободы торговли (в концепции сравнительных преимуществ Д. Рикардо* отсутствует понятие движения капитала между странами).

Постепенное смещение глобализации на Восток и Юг, назревший переход от реформ к развитию в России целесообразно подавать под новым углом. Усилия, предпринимаемые региональными державами в инфраструктурном развитии, расширяют их внутренние рынки и более легкие рынки для малых соседних стран (в том числе не имеющих выхода к морю), испытывающих огромные трудности в ходе глобализации.

Резкое улучшение валютно-финансового положения Китая, Индии и России в последние годы означает, помимо прочего, прорыв валютно-кредитной монополии Запада, которую ему удавалось удерживать после распада Бреттон-Вудской системы. Чрезмерно высокая ставка процента по кредиту в 80-90-е гг. была разорительной для многих развивающихся и переходных стран, препятствуя и нормальному развитию Запада. Но это время, похоже, закончилось: в последние годы кредит и «твердые» валюты стремительно дешевеют. Актуальна интенсификация

---

* Давид Рикардо (1771-1823), английский финансист.

фикация сотрудничества России, Китая и Индии в финансовой сфере с участием соседних стран. Например, стабилизационные соглашения между центральными банками могут позволить уменьшить необходимый объем резервов в «твердой» валюте, использовать имеющиеся излишки на нужды реальной экономики, инфраструктуры и антиинфляционные схемы (например, досрочного погашения внешних долгов, известные из опыта Индии). Актуальна и координация позиций в международных финансовых и торговых институтах, необходимость которых для России в нынешних обстоятельствах не стоит преувеличивать. Вступление в ВТО, дробление национальных корпораций, «конвертируемость» рубля — это не цели, а «галочки», издержки общения с «восьмеркой». Односторонний взгляд на мир, преобладающий пока в России, плох сам по себе: раболепие перед Западом в этом смысле не лучше враждебности по отношению к нему.

По-видимому, не стоит преувеличивать технологическое превосходство развитых стран, их способность сохранить монополии и доминирование в этой области. С переходом Запада на «постиндустриальный» этап выясняется, что разрыв в области сферы услуг (в том числе информационных) можно преодолеть в более короткие сроки, чем отставание в промышленности, и при меньших затратах (превосходный пример — Индия). Не нужно преувеличивать и значение в экономическом развитии патентованной интеллектуальной собственности. Как известно, самое хорошее на рынке не продают, его можно только украсть или придумать самим.

В понимании экономики, как известно, соседствуют натуральный и денежный подходы. Их также можно назвать инженерным и бухгалтерским. Важное отличие Японии, стоящей несколько особняком от стран Запада и опыт которой активно использовался азиатскими странами, заключалось в том, что корпорациями там, как правило, управляли инженеры, в то время как в США — бухгалтеры и юристы. Доходы топ-менеджеров в конце 80-х гг. в 10 раз превышали зарплату рабочих в Японии и в 500 раз — в США. (Risen J. Why Can't America Catch Up?// Los Angeles Times, 14.01.1990.) Натуральный и денежный, или инженерный и бухгалтерский — оба подхода важны по-своему. Но в силу уровня развития региональные державы, как мне кажется, объединяет преимущественно инженерный взгляд на будущее, в том числе по причине исключительного масштаба стоящих перед ними проблем. Деньги разумно понимать лишь как средство развития экономики и человека,

а не как цель такого развития. Преимущественно же денежное понимание хозяйства парадоксальным образом ведет лишь к порче самих денег, к утрате «твердыми» валютами ряда важных функций.

Многостороннее и двустороннее сотрудничество в зонах традиционного влияния крупнейших стран усилит роль регионализации в современном мире. Очень важно поддерживать друг друга в статусе региональных держав (пусть пока еще и неполном). В Азии, в частности, повсеместный рост влияния России, Индии и Китая нужно приветствовать: помимо прочего, в некрупных государствах он помогает снимать традиционное недоверие к «большим братьям». В интересах России, например, укрепление китайского и индийского присутствия в Грузии, на Украине, в Прибалтике. Индия теперь благосклонно относится к росту китайского влияния в Пакистане и т.д.

Статус региональной державы — с одной стороны, и провозглашение либеральных экономических реформ в качестве главного направления социально-экономической политики — с другой, создали противоречия, очень заметные в современной России. Не следует забывать о национальном экономическом суверенитете (в том числе как средстве успешного участия в региональных и глобальных процессах), о повышении роли государства в экономике по мере адаптации монетаризма. Важной частью идеологии и теории сотрудничества региональных держав могло бы быть укрепление хозяйственной независимости региональных держав, а также соседних с ними стран. Не кажется анахронизмом лозунг «коллективной опоры на собственные силы», как и некоторые другие идеи НМЭП, выдвинутые в 70-х гг. Помимо прочего, «ресурсное проклятие России» выглядит куда лучше в контексте продолжения индустриализации и модернизации Азии, чем в понимании мирового хозяйства как замены одних этажей другими.

В.С. Мясников

Сейчас слово Владимиру Андреевичу Корсуну, доценту кафедры востоковедения МГИМО.

В.А. Корсун

Меня радует, что Никитский клуб продолжает предпринимать попытку подключить наш академический комплекс и бизнес-сообщество к процессу принятия решений по актуальным проблемам, одна из которых заключается в том, что увеличивается влияние собственно «китайс-

кого фактора» на Российскую Федерацию. Первая ассоциация, вызываемая китайской тематикой, состоит в том, о чем уже здесь было сказано, что несмотря на жесточайшую демографическую программу Пекина, каждую минуту по статистике в мире рождается 33 китайца, умирает 11, т.е. естественный прирост в минуту составляет 22 человека. И когда я закончу свое выступление, население Китая увеличится более чем на 150 человек, поэтому я постараюсь быть кратким.

Но не собственно демографическое давление заботит наших граждан. Что в первую очередь должно заинтересовать и взволновать, — это появление огромной «мастерской мира» у нас под боком, вольно или невольно приводящей к деиндустриализации нашей страны. Ведь Китай интенсивно лишает нас рабочих мест, ибо весьма успешно конкурирует с нашими товарами практически по всему технологическому профилю, включая все новые и новые отрасли, в том числе и военно-промышленный комплекс. Китай вытесняет наших производителей с традиционных мировых рынков и происходит это в силу понятных причин: китайская рабочая сила, не во многом уступая российской по квалификации, имеет огромное преимущество с точки зрения дисциплины, ответственности и организованности, умения китайцев довольствоваться малым, т.е. ее дешевизны. Ну и, наконец, недопущение конфуцианской традицией алкоголизма, что весьма существенно для процесса расширенного воспроизводства.

Впрочем, существует и точка зрения, что мы живем в условиях, когда какие-то парадоксальные варианты развития, базирующиеся на «качестве жизни», возможны и алармизм может уступить место оптимизму. Например, мне очень симпатична идея превращения нашей страны в некий «Национальный парк» Европы. Однако в этом случае возникает другая проблема: а кто же будет этот парк защищать от браконьеров? Надеюсь, никого не надо убеждать, откуда эта угроза проистекает, помимо доморощенных «новых русских», ведущих себя в отношении наших природных ресурсов порой хуже любых оккупантов.

Я не хотел бы более углубляться в рассуждения на эту тему, но отмечу только, что Китай демонстрирует небывалую, даже по сравнению с японскими стандартами, агрессивность на мировом рынке. В некоторых аспектах как негоцианты и как переговорщики китайцы превосходят известные нам японские аналоги. Логика поведения китайцев как торговцев здесь не лишена определенного дуализма на грани цинизма. Когда речь идет о китайском импорте, то они говорят о «регионализа-

Ж клуб

Нижинский

Фото Л. Панкратовой

В.А. Корсун

ции», об «особых отношениях», о специальных ценах и каких-то льготных преференциях, когда же дело касается экспорта китайской продукции, то тут нашим бизнесменам напоминают, что КНР уже четыре года член ВТО, и что недопустимы никакие демпинги, а торговля может вестись только по ценам мирового рынка, объявляя прямо-таки «японские» цены.

Примером неоднозначного поведения нашего китайского партнера может служить уже затрагивавшийся здесь сюжет, связанный с проектом нефтепровода Западная Сибирь—Дацин. Я, правда, не знаю всех деталей заключения и срыва данной сделки, но практически ЮКОС стал играть по китайским правилам — регионализация, а не ОПЕК и цены мирового рынка, — что дает возможность китайцам, замкнув нефтепровод на себя, диктовать цены на наши углеводороды. Продемонстрировав хоро-

шее знание российской политической кухни, Пекин, вместо того чтобы организовать демонстрации под лозунгом «Свободу Ходорковскому!», что было бы логично, повел себя весьма любопытно. Была разыграна некая китайская стратагема (может быть, Владимир Степанович напомним нам ее нумерацию): «Чтобы выгнать змею, бей по траве». Вот в этой роли «травы» или «козла отпущения» и оказался ЮКОС. В результате, сторонам удалось «сохранить лицо», но проблема ни на йоту не была выведена из тупика. А ведь речь идет о вопросе, который должен привлекать самое пристальное внимание. Ведь мы являемся свидетелями силовой реализации в мире геополитики в полном смысле этого слова. Идет буквально война нефтепроводов.

Не буду злоупотреблять вашим вниманием, лишь в телеграфном стиле напомним, что проблема Нагорного Карабаха и Чечни возникла тогда, когда победил вариант перегона нефти Каспия через Новороссийск, что чуть было не похоронило этот маршрут. Возобладал маршрут Баку–Джейхан, и тут же, откуда ни возьмись (мы-то помним, откуда и куда), появился Оджалан и обострилась проблема Курдистана, что надолго парализовало тот проект. Я не хочу выступать в качестве «дельфийского оракула» и тем более не хочу пугать наших китайских партнеров, но китайский вариант проведения нефтепровода по Великому шелковому пути, минуя территорию России, по маршруту Казахстан–Алашанькоу–Урмчи–Ланчжоу и дальше неизбежно приведет к возникновению проблемы Восточного Туркестана! Господа, это большая игра и большие деньги! Я не буду продолжать эту тему, тем более что формат выступления позволяет излагать сюжеты только тезисно. Отмечу только, что не всегда богатые ресурсы могут выступать «палочкой-выручалочкой» в обеспечении национальной безопасности России. Да, по углеводородам мы выступаем крупнейшим после Саудовской Аравии экспортером, а Китай с 1992 г. — нетто-импортер, вышедший на второе место после США. Но не всегда зависимость от импорта, в частности нефти, делает политику той или иной страны более предсказуемой и более ответственной. Очень часто наблюдается обратное, когда некое критическое завышение цен, напротив, провоцирует то, что именно страна-импортер становится источником международной напряженности. Об этом тоже нужно помнить.

Да, мы взаимно дополняем друг друга. Мы взаимно дополняем друг друга и экономически, и политически, что устраивает и Кремль, и Чжуннаньхай. Обе стороны с различной степенью успеха каждая разыг-

рывает карту другой в противодействии в первую очередь Вашингтону, не упуская при этом возможности достижения особых отношений с США и обеспечения собственной безопасности за счет американского налогоплательщика. Правда, зачастую подобная взаимодополняемость не является полной, и возникает ряд проблем и асимметричных подходов, что вполне нормально в отношениях двух великих держав. Я сказал бы, что сегодня имеется «целый Буш» проблем в наших отношениях, и попытки замалчивания этих проблем вовсе не уменьшают их количество, равно как и не способствуют их разрешению. Достаточно вспомнить сюжеты, связанные с тем, что не удалась попытка Китая использовать нас в качестве «тарана» против расширения НАТО на Восток, не удалось столкнуть Москву и Вашингтон лбами по поводу Национальной системы ПРО, а также по поводу ПРО Театра военных действий. А сказать, что подобные проекты противоракетного «щита» больно ударят по китайскому оборонному потенциалу, — значит не сказать ничего. Ведь совокупная мощь сегодняшнего Китая по ядерным фугасам меньше, чем ударная мощь одной американской подводной лодки с ракетами «Трайдент» на борту. В Пекине понимают, что если американцам удастся создать свой трансокеанический антиракетный «барьер», то это превратит китайские межконтинентальные баллистические ракеты просто в груды металлолома. Это весьма чувствительный для Китая комплекс проблем, создающих непростую ситуацию, выход из которой не всегда лежит на путях создания некоего клуба «двух сверхдержав».

Еще одно обстоятельство не может не оказаться в центре нашего внимания. Происходит не выход на арену мировой политики крупнейшего в истории игрока, а возвращение Китая, «царства истории» с его традиционными комплексами, с его системой «Китайского мирового порядка». Данный порядок получил в нашей литературе названия: «система номинального вассалитета» и «данническая система», хотя отнюдь не «поднесение дани» здесь главное. Суть этого мироустройства, контуры которого сегодня, как это не парадоксально, восстанавливаются, заключается в том, что включенные в него соседи Китая в обмен на проявление покорности и самоуничужения, а также некие ритуальные почести («дипломатия коутоу») в адрес владыки Поднебесной получали кое-что и весьма существенное — гарантии безопасности от великой династии, к которой они приобщались. Данный порядок отнюдь не порождение большого китайского воображения, а альтернативная европейской вестфальской

системе модель международных отношений, обеспечивавшая беспрецедентную по масштабам и продолжительности стабильность в известном китайцам огромном регионе мира. В свое время новое дыхание возрождению этого порядка в духе рефрена «Мы все в ответе за планету» придала коммунистическая парадигма, до сих пор господствующая в КНР.

Я признателен Владимиру Степановичу за упоминание об убежденности китайцев, что в силу неких китайских добродетелей — умеренности, рациональности, справедливости — появляется возможность регенерации порядка, когда Китай, с мнением которого будут все считаться, вновь окажется как бы в центре мироздания. Напомню, что Московия избавилась от статуса «варваров» и довольно мягко была включена в этот порядок в рамках татаро-монгольского наследства. Запад был подключен по более драматичному сценарию — в результате опиумных войн. Как бы там ни было, этот порядок существует не в киберпространстве, а реально присутствует в первую очередь на уровне обыденного сознания или, по терминологии Карла Густава Юнга, на уровне «коллективного бессознательного» китайцев. Ведь на поверку, компартия контролирует в Китае все, за исключением самой малости — китаецентристских представлений китайского населения. Выстраиваемая китайской политологической мыслью некая иерархия стратегического партнерства является зримым индикатором возрождения традиционного китаецентристского порядка.

С учетом всего вышесказанного перейду к последнему тезису, который мне хотелось бы сегодня сформулировать. Это нормально, что в наших отношениях со странами-соседями, принадлежащими к разным цивилизационным пластам человечества, существует целый комплекс проблем. Ненормально, когда эти проблемы пытаются замалчивать и решать исключительно келейно, «не вынося сор из избы», придерживаясь известного в психологии «платинового» правила: будьте с каждым таким, каким, как вам представляется, вас хотели бы видеть. Тем более недопустимы конъюнктурно-демонстрационные компромиссы по простейшим «бартерным схемам»: мы закрываем глаза на Чечню, вы — на Тайвань и Тибет. Уверен, что мы вступаем в нашем партнерском диалоге в очень здоровую фазу, когда на передний план выдвигаются специалисты и дипломаты, четко понимающие реальную проблематику наших взаимоотношений, и, что особенно важно в условиях, когда *soft wear*, а не *hard wear* определяет суть межцивилизационных контактов, понимают психологию китайцев. Гарантом безошибочности принимаемых в связи с этим решений выступает формирующееся в России гражданс-

кое общество как наиболее чуткий механизм, обеспечивающий адекватное восприятие внешних вызовов и адекватное на них реагирование.

В плане российско-китайских отношений мы уже далеко не на распутье. Потенциал нашего взаимодействия уже таков, что, чтобы ухудшить их (естественно, на это сознательно никто не пойдет), надо приложить энное количество усилий. Но согласитесь, что мы могли бы реагировать на китайские вызовы более оперативно и эффективно, если бы избавились от протокольного, приторно дружеского комплекса и если бы эти отношения имели более прохладный и дистанцированный характер.

В.С. Мясников

Спасибо, Владимир Андреевич. Следующий выступающий — Петр Адольфович Гваськов, секретарь Союза военных китаеведов при Клубе Товарищей Военного института иностранных языков Красной Армии. Сейчас, очевидно, будут затронуты военные аспекты.

П.А. Гваськов

Я представляю Союз военных китаеведов России. А военные отличаются от штатских тем, что по уставу им предписано не только анализировать обстановку, но и давать ей военно-стратегическую оценку.

Военные китаеведы, используя методы военно-стратегического анализа, разработали и провели ситуационный анализ: «Китайский фактор в новом мировом порядке». Наши эксперты показали, что мировая политика находится в состоянии перехода от доминанты экономики к доминанте силы, тотального контроля, добровольного подчинения и грубого принуждения.

Динамику процесса глобализации мы разыграли от исходного состояния на 2004 г. и построили модель перемен в мире до 2012 г. Согласно этой модели Россия сможет накопить потенциал для перехвата исторической инициативы в условиях глобализации только в связке с Китаем. В остальных случаях положение России куда более ущербно. Чтобы ответить на вопрос о месте России и роли Китая в новом мировом порядке, мы рассмотрели замысел китайского проекта. Начну с того, что в 1993 г. Военный совет ЦК КПК принял доктрину, которая символически называется «Три севера, четыре моря». Почему она так называется? В соответствии с законом перемен центр одолевает север. Китай в самоназвании означает «Серединное государство», которое в китаецентристской системе координат занимает центр, и этот центр одолевает север.

П.А. Гваськов

Что же такое «три севера»? Это Североатлантический альянс (НАТО) и Россия то есть север Евразии, это Старый свет, а в Новом Свете — это Североамериканские Соединенные Штаты. Так вот, к 2019 г. Китай должен одолеть эти «три севера», которые и есть противники. С кем же он одолевает эти «три севера»? С союзником, поскольку теория Мао Цзэдуна предполагает деление мира на три части — «мы сами, наши враги и наши союзники».

О врагах я уже сказал, кто же союзники? Союзники — наднациональный финансовый капитал. Именно с ними китайцы одолеют «три севера» — по нашему сценарию получается, что уже к 2012 г. Триумф по-китайски выглядит так, что к 2019 г. Китай должен принять статус «великой глобальной державы первого разряда», «целиком отвечающей древней истории, чести и достоинству ханьской нации».

Для того чтобы Россия как объект одоления не превратилась в «театр военных действий», она должна получить в глазах китайцев какой-то статус. Во времена «Дружбы» у СССР был статус «старшего брата». После «смерти СССР» статус «старшего брата» перешел к мировому финансовому капиталу. У России же есть достойное место — статус «старшей сестры». При этом Объединенная Европа — «средняя сестра», а Мусульманская умма — «младшая сестра». Статус «старшей сестры» можно только взять. Для этого Россия должна сама объявить о том, что становится стратегическим тылом Китая. Фронт при этом направлен в сторону Южных морей — это АСЕАН, АТЭС, Австралия, Новая Зеландия. При таком построении противник Китая, естественно, США.

Так вот если Россия станет стратегическим тылом, тогда тыл надо охранять. Если же Россия не станет стратегическим тылом, то она станет театром военных действий. Времени для того, чтобы России определиться с местом в новом мировом порядке, осталось совсем немного.

В.С. Мясников

Мне не хотелось бы, чтобы члены Никитского клуба и наши гости после последнего выступления сегодня не спали ночь и думали, когда же произойдет то, о чем сказал г-н Гваськов. Но к этому надо относиться серьезно, потому что армия в Китае играет очень важную роль. По конституции Китая армия имеет право наводить порядок в стране. Где еще, в конституции какой страны вы найдете такие права для армии? Китайская армия живет собственной жизнью, развиваясь по своим внутренним законам. Поэтому главная должность в КНР это отнюдь не председатель Республики, а председатель Военного совета ЦК КПК. И спасибо нашим выпускникам ВИИЯ, которые провели такие игры, нуждающиеся, может быть, в дальнейшем осмыслении и политологическом раскрытии. Но этим тоже нужно заниматься.

Мы завершили часть обсуждения с заранее заявленными выступлениями и теперь переходим к общей дискуссии. Я предоставляю слово президенту нашего клуба Сергею Петровичу Капице.

С.П. Капица

Спасибо. Я буду краток. Мне кажется, существует несколько вопросов, представляющих интерес для нашей дискуссии, ответы на которые, может быть, даже просматривались в некоторых выступлениях.

В.С. Мясников

Мой вопрос: насколько устойчив Китай и, кстати, Индия? Когда страны так быстро развиваются, — это происходит на грани устойчивости. Здесь было сказано, что растет противоречие между Западным и Восточным Китаем, между бедными западными провинциями, бедной деревней и быстро богатеющими городами. Колоссальные миграционные потоки, в которые включены сотни миллионов людей, создают очень сложные внутренние проблемы, способные взорвать систему. И правы те, кто говорит, что армия стабилизирует Китай, как может быть, ни в одной другой стране.

Более того, у меня такое впечатление, что активизирующийся сейчас терроризм, международный терроризм — не главная опасность для всего мира, а её сигнал. Сигнал о потере устойчивости, к которой может привести опять же быстрое развитие стран Центральной Азии,

исламских стран и по другим причинам, но быстрый экономический рост Китая. Возможно, это мрачный сценарий, но мне хотелось его обозначить. Вопрос об устойчивости — на него я бы хотел получить ответ.

В.С. Мясников

Сергей Петрович, я не пытаюсь ответить на Ваш вопрос. Может быть, это сделает кто-то из ранее выступавших, но я думаю, что если мы рассматриваем теорию устойчивого развития как гармоничное взаимодействие двух компонентов — в первую очередь ресурсной базы и населения, — то для Китая устойчивое развитие как модель уже давно себя исчерпало. У него нет перспектив. В России, например, перспективы есть, потому что у нас сравнительно компактное, даже малое население и огромный ресурс развития — территориальный, природный, какой угодно. У нас мировые запасы кислорода, питьевой воды и т.д. В Китае все это сегодня на исходе. И экологический кризис не только в том, что уже пресной воды не хватает, — обеднели почвы. Почвы перестают давать столько урожаев и такие урожаи, которые могли бы обеспечить Китай в ближайшей перспективе. Это тоже проблема. Я не знаю, как это будет решаться — через ВТО или как-то иначе, — я не специалист по устойчивому развитию, но по мнению экспертов, высказанному несколько лет тому назад, это очень серьезная проблема для Китая.

Л.П. Делюсин

Я скажу несколько слов по этому поводу. Внешне, конечно, Китай поражает своим устойчивым развитием: ежегодный прирост экономики составляет 7-8 %. Но почему-то сами китайцы — и Цзян Цзэминь об этом говорил, и Ху Цзиньгао почти в каждом своем выступлении повторяет — считают, что они находятся в состоянии величайшего кризиса, который не могут пока разрешить. При чем здесь тогда устойчивое развитие? Вся проблема заключается, по мнению Ху Цзиньгао (он об этом не раз говорил, хотя еще в 1980 г. об этом сказал Дэн Сяопин), в том, что экономические реформы и экономический рост должны дополняться и укрепляться политическими реформами за счет перестройки всей системы Китая — коррумпированной, бюрократической, деспотической и диктаторской однопартийной системы. Вопрос заключается в том, как реформировать эту политическую систему, без которой, как говорил Ху Цзиньгао в

своем недавнем июньском выступлении, перед Китаем стоит «путь смерти». Практически сами китайцы критически оценивают свои достижения и считают, что им надо идти дальше по пути политических реформ, чтобы обеспечить экономический рост, хотя он вызывается и сдерживается и другими факторами, о которых здесь говорили — экологией, недостатком сырья и т.д. Но главная проблема — это проблема преобразования Китая в демократическую страну. Решение этой проблемы наталкивается на противодействие старых кадровых работников, которые уже выиграли от реформы, объединив власть с капиталом, и не хотят их дальше продолжать.

Что касается экономического роста Китая, — здесь любопытно мнение китайских экономистов, оказавшихся по воле случая за рубежом, в США. Если в Китае считают, что у них прирост ВВП составляет 7, 8 и 10%, то по мнению этих экономистов, экономика Китая тает, как мыльный пузырь, и на самом деле прирост составляет всего 2%. Очень известный в Китае экономист Хай Синьянь недавно в своем выступлении заявила, что Китаю грозит банковский кризис. В Китае может лопнуть банковская система — и тогда полетит вся экономика. Экономический рост в условиях коррумпированной системы не устойчив и не может обеспечить дальнейшее продвижение Китая по пути модернизации.

В.А. Корсун

Не могу удержаться, хочу все-таки внести нотку оптимизма. Кстати, если бы сегодня здесь были профессор Гельбрас (ИСАА при МГУ — *ред.*) и профессор Бергер (Центр Карнеги — *ред.*), они еще больше бы стусили краски насчет того, на краю какой пропасти стоит Китай. Но согласитесь: положение жуткое, диспропорции вопиющие, поляризация уровня доходов имеет критический характер, куча проблем, статистика не совершенна, все обманывают друг друга — и все это длится уже пять тысяч лет!

А.Д. Воскресенский

Я очень коротко попытаюсь систематизировать некоторые наиболее важные моменты нашей дискуссии. Действительно, есть две точки зрения. По одной, официальной точке зрения, в Китае происходит непрекращающийся экономический рост. Эту точку зрения питает и активно поддерживает то, что своими глазами видят приезжающие в Китай. А видят они непрерывное крупномасштабное строительство, причем не только в столице, крупных городах, но и внутри страны, в глубин-

ке. Преобразовываются провинции внутреннего Китая, строятся дома, супермаркеты, дороги, эстакады. Сегодня Китай стоит, если я не ошибаюсь, на втором месте после США по протяженности скоростных автомагистралей. В Китае уже действует скоростной поезд на магнитной подушке.

С другой стороны, последние четыре года в мире идут непрекращающиеся разговоры о том, что китайская экономика — мыльный пузырь. Этой точки зрения придерживаются не только китайские экономисты в эмиграции (надо сказать прямо, это политические эмигранты), но и часть мировой интеллектуальной элиты, которая давно говорит о всех острых экономических и политических проблемах, существующих в современном Китае. На этот счет существует, в частности, известный доклад RAND Corporation. Суть второй точки зрения заключается в том, что если перед Китаем все проблемы возникнут со всей остротой одновременно, то Китай не сможет обеспечить экономический рост, необходимый для поддержания устойчивого развития. А для этого нужно, чтобы прирост ВВП составлял от 5 до 7%. Я думаю, что утверждение о 2% прироста точно не соответствует действительности, потому что иначе бы Китай уже коллапсировал, поскольку не смог бы трудоустроить армию молодых людей, ежегодно вступающую в трудоспособный возраст. По моему мнению, реальные цифры китайского экономического роста, скорее всего, меньше официальных, о чем свидетельствует ряд косвенных показателей.

Самая главная проблема сегодняшнего Китая состоит в том, что крестьяне начали отходить от сельскохозяйственных земельных работ, т.е. дивиденды, получаемые крестьянством от реформы, закончились, и как решать эту проблему — не ясно. Если крестьяне перестанут заниматься землей, составляя подавляющее большинство населения страны, то понятно, какие это может вызвать экономические и политические последствия.

Как решать эти проблемы — демократическим путем или прибегая к жесткой авторитарной власти, — в Китае ясности нет, что следует из дискуссий на эту тему. Одни говорят, что при демократическом решении все как-то утрясется, в стране наступит более динамичное и стабильное развитие, и Китай не будет представлять никакой опасности для других стран. Приверженцы же авторитарных методов управления уверяют, что вожжи отпускать нельзя, так как население страны полтора миллиарда и им нужно жестко управлять, иначе все побегут в соседние государства или еще что-нибудь учинят.

Соответственно, есть два пути решения внутрикитайских проблем с использованием внешнего фактора. Один путь — с опорой на концепцию «мирного взлета», связанную с новым статусом Китая, о котором все говорят. Суть концепции состоит в том, что если Китай приобретает новый статус — в частности, членство в ВТО, в «восьмерке» плюс все позиции, связанные с переходом на уровень мировой державы, — то часть внутренних проблем автоматически начнет разрешаться просто потому, что с приобретением нового статуса Китай получит для этого дополнительные рычаги и возможности.

Второй путь (оба, кстати, в сегодняшнем Китае осуществляются параллельно) связан с претворением в жизнь концепции «мирного окружения», которая сегодня очень активно разрабатывается как китайскими политологами-теоретиками, так и практиками. Речь идет не только о мирном политическом окружении, но и о строительстве огромной совместной экономической зоны по всему периметру страны. Она уже реально строится в Юго-Восточной Азии (АСЕАН + 3), на наших глазах она рождается на российско-китайской границе и в Центральной Азии. Эта информация не имеет широкого распространения, но процесс развивается стремительно. Для Китая это тоже решение проблемы внутренней устойчивости.

В.С. Мясников

По Вашей терминологии, Китай получает статус сверхдержавы или мирового лидера, гегемона или доминанта. А как с сельским хозяйством-то быть, если вступление в ВТО порождает массовую безработицу в сельском хозяйстве, где и так ежегодно на рынок труда выбрасываются миллионы людей, которых пытаются устраивать где-то в пригородах и т.д.? Это же проблема проблем, только усугубляющаяся вступлением в ВТО. Поэтому по поводу статуса — не знаю...

А.Д. Воскресенский

Это правильно, но с другой стороны, Китай уже зарезервировал для себя позиции в торговле с Россией, включающие черную икру, автомобили и т.д. Вот это новый статус.

В.С. Мясников

Предложение китайцам торговать у нас черной икрой — было такое — я считаю переговорным приемом типа «мы сначала сделаем за-

прос, а потом уступку: ладно, ешьте собственную икру сами, а мы за это получим от вас что-нибудь другое».

Е.П. Бажанов

К слову о черной икре. У китайцев к ней специфическое отношение. Меня китайские друзья не раз спрашивали: «Как вы, русские, можете есть такую гадость, рыбы яйца?» При этом китайцы с удовольствием едят ос и кузнечиков.

Теперь о перспективах экономики КНР. В условиях углубляющейся глобализации ни одно государство не застраховано от экономических срывов. Даже локальные затруднения способны спровоцировать катаклизмы вселенского масштаба.

Вспомним финансовый кризис, начавшийся осенью 1997 г. в далеком и не столь уж значительном в мировой экономике Таиланде. Ухудшение финансовой ситуации в Бангкоке немедленно спровоцировало панику на фондовой бирже Гонконга. Далее паника стала распространяться по всем направлениям, охватывая все новые регионы. Через несколько дней курс акций обвалился в цитадели современного мирового хозяйства, на Уолл-Стрите, несмотря на то, что американская экономика по всем ключевым показателям находилась в прекрасной «спортивной форме». Инвесторы на нью-йоркской бирже в мгновение ока потеряли сотни миллионов долларов. Еще серьезнее пострадали акционеры в Германии, Франции, Японии. Слетела в новую пропасть экономика России, которая только-только начинала выходить из десятилетнего «штопора».

Показательно и то, что даже страны, которые вроде бы выработали модель устойчивого развития, могут в один прекрасный день очутиться в тисках всеобъемлющего кризиса. Вспомним недавние пертурбации в Индонезии и Аргентине, возникшие под влиянием комплекса внутренних социально-экономических и политических изъянов.

В Китае тоже много внутренних проблем. Непосредственно в сфере экономики это острая нехватка пахотных земель и энергетических ресурсов, колоссальная нагрузка на окружающую среду, убыточность половины государственных предприятий, хронический кризис банковской системы. На экономические проблемы наслаиваются социальные недуги: огромная безработица, особенно в деревне, углубляющаяся пропасть в доходах между богатыми и бедными, все еще примитивное состояние системы социального обеспечения и здравоохранения, от-

ставание в развитии внутренних районов страны от приморской зоны, разнузданная коррупция, высокая преступность.

Не все в порядке с идеологией. Как говорят сами китайцы, у них в стране социалистический капитализм. Социализм — на словах, капитализм — на деле. Существует межэтническая напряженность, в Синьцзяне и Тибете сильны сепаратистские настроения. В условиях политического тоталитаризма начальники всех рангов чинят произвол. В деревнях на простых тружеников навешивают экзотические налоги, например, на солнечные дни и игру в азартные игры, штрафуют за критику чиновников. В каком-нибудь провинциальном городе местный босс может наказать земляков отключением света, приостановлением общественного транспорта.

Приведут ли все эти и множество других реальных проблем к срыву реформенного процесса в КНР? И российские, и иностранные эксперты не раз за последние 25 лет предсказывали такой срыв. А его все нет и нет. Если продолжать гадать, то я сказал бы лишь то, что негативные факторы, способные затормозить развитие КНР, существуют и внутри страны, и в глобальной экономике. Перевесят ли они действие позитивных факторов? Это вопрос, на который нет гарантированно правильного ответа.

В.С. Мясников

Я бы все-таки поставил вопрос еще вот в какой плоскости в связи с предстоящими событиями в российско-китайских отношениях. Мы видим, какое сложное общество Китай, тем не менее, западные державы — иные, не Россия — довольно успешно действуют на китайском рынке. Провели автомобилизацию Китая, вложили туда миллиарды, весь самолетный парк Китая построен за счет фирмы «Боинг» и других западных стран. Китай прошел модернизацию при широкой поддержке Запада. Мы в этом участия практически не принимали, потому что у нас тут были свои проблемы, свои реформы и т.д.

Объем наших торгово-экономических отношений с Китаем составляет 10–12 млрд. долл., плюс примерно такую же цифру дает теневая экономика, по оценке китайских и наших экспертов. Как преодолеть этот барьер, чтобы выйти на уровень, о котором говорит Алексей Дмитриевич, — уровень отношений с другими странами, такими, как Япония, США или хотя бы Южная Корея? Что нам нужно сделать, как найти свою нишу в Китае? Что мы можем ему предложить, чем заинтересовать? Наши технологии сегодня, может быть, могут сыграть здесь

какую-то роль — я говорил об этом с экспертами. По их мнению, мы могли бы предложить эффективные методы очистки воды для Китая. Мы могли бы предложить эффективные методы решения экологических проблем: освобождение городов от переработанных продуктов, уничтожение их современными методами очистки. Мы могли бы предложить альтернативные не источники, а энергетические компоненты, заменяющие, скажем, углеводородное сырье или нефть для китайских машин. В нашей стране ведутся такие разработки и есть соответствующие достижения — вот, что мы должны были бы предложить Китаю и на чем могли бы сойтись, чтобы достичь приличного веса в экономике.

Приведу только одну цифру. В Китае работают филиалы 520–530 зарубежных банков, и только три наших банка имеют там представительства, т.е. на ранг ниже филиалов. Финансовый рынок Китая уже занят, и прорваться туда какому-то нашему банку и по объему капиталов, и по умению там работать очень трудно. О других рынках — я возвращаюсь к автомобильному: корпорация «Фольксваген» имела на китайском рынке до позапрошлого года 50% продаж. Вдруг этот уровень упал до 30% — тут же в шэньянский завод было вложено 5 млрд. евро, чтобы снова выйти на 50%. Может Россия делать такие инвестиции в Китай, чтобы продвигать свою продукцию? Мне кажется, что нет.

А есть ли у нас реальные перспективы научно-технического взаимодействия или все это предмет иллюзорной политики, которой мы иногда тешим себя? Я говорю китайцам, что наша Академия наук достаточно эффективно работает, несмотря на тяжелые условия. По отчетам РАН, ежегодно в наших институтах осуществляется свыше 100 открытий выше мирового уровня. Правда, эти открытия далеки от внедрения — в этом наша острейшая инновационная проблема.

Я всю жизнь занимаюсь Китаем, немного знаю исторический опыт и современные аспекты его развития. Иногда я думаю, то ли мы опоздали на китайский поезд, который куда-то ушел, и нам не догнать его с нашими предложениями — лучше заниматься своей экономикой; то ли действительно повышать объем нашего взаимодействия за счет привлечения китайского капитала, китайской рабочей силы?... У некоторых наших специалистов есть такая любимая фраза: «Остатки нашего населения будут смотреть, как китайцы развивают их районы».

В данном случае я ставлю вопрос и призываю вас к дискуссии.

В.П. Гутник

Позвольте неспециалисту по Китаю высказать три предложения по ходу дискуссии.

Последнее время мне пришлось столкнуться с проблемой выбора стратегических партнеров для России. Меня всегда удивлял и смущал вопрос о взаимозависимости наших экономик — российской и китайской. В чем эта взаимозависимость? Может Китай обходиться без России или Россия без Китая? Это действительно предопределено какими-то объективными тенденциями нашего экономического развития или мы просто хотим не упустить Китай, чтобы не получилось так, что все будут пользоваться результатами китайского роста, а мы, находясь рядом, — нет? А может быть, наоборот, как уже сегодня говорили, это отношения, скорее не взаимозависимости, а острой конкуренции на одном и том же поле? Тогда возникает вопрос, стоит ли нам развивать особые, приоритетные отношения с мировой фабрикой, когда мы сами хотим стать такой мировой фабрикой? Мы же не хотим все время быть поставщиком энергоресурсов, в том числе и для Китая. Мне кажется, в этом смысле сомнения наших бизнесменов, не идущих работать в Китай, связаны с тем, что там нет для нас ниши.

Для нас намного интереснее Восточная Европа, где существуют такие ниши и более выгодное, скажем, усиление контактов с США, способные дать нам действительно современную технологию. Может дать нам Китай какие-то современные технологии плюс капиталы для их внедрения на том уровне, как это могут сделать США или Европа? По-моему, ответ здесь очевиден.

На мой взгляд, неуверенность нашего бизнеса и осторожность в отношении Китая свидетельствуют как раз об их грамотности, чутье, интуиции. Один проект Дацин чего стоит, когда сначала ЮКОС как бы заставляли подписать этот контракт, а потом вдруг выяснилось, что проект неэффективен для России, невыгоден. Если такое происходит, то бизнесмены тысячу раз пересчитают, прежде чем что-то подпишут. Плюс проблема китайской бюрократии, которая не только наш, но даже высоко развитый западный бизнес не всегда к себе пускает.

Последний пример: компания Сименс, имевшая лучший проект по трансрапиду, не была допущена в Китай, причем китайцы, насколько я знаю по немецкой печати, высказали претензии типа «почему вы у себя не построили эту дорогу, а хотите это сделать у нас? Вы сначала у себя в Германии постройте такую магнитную дорогу, а потом мы уже посмотр-

Ж клуб

Никитский

Фото Л. Панкратовой

В.П. Гутник

рим, как это будет функционировать». Кстати, в Германии «зеленые» по экологическим соображениям никак не дают строить эту дорогу рядом с Берлином.

Наконец, еще один тревожащий меня вопрос, который уже звучал сегодня. По-видимому, Китаю придется проводить какие-то политические реформы, но какие это будут реформы? Будут ли они демократическими? К сожалению, я буквально вчера тоже в западной прессе прочел такое высказывание Ху Цзиньгао: «Демократия западного типа — тупик для Китая». Вероятно, они будут создавать какую-то демократию китайского типа. Нет ли здесь опасности для нашего, внутрirosсийского развития? Не начнем ли мы тоже создавать свой тип российской демократии, глядя на китайский опыт, чтобы вслед за Китаем прорываться в лидеры?

Поэтому возникает вопрос: нужно ли только ради расширения сотрудничества искусственно задаваться необходимостью перевода партнерства с Китаем на более высокий уровень? Мне кажется, отношения нужно развивать малыми делами, передвигаясь небольшими шагами, если это получается естественно, но не надеяться, что Китай станет нашим экономическим и стратегическим партнером в ближайшем будущем.

В.С. Мясников

Сейчас слово Александру Сергеевичу Ципко, обозревателю «Литературной газеты».

А.С. Ципко

Я не китаевед, но имел опыт общения с элитой Китая в начале 90-х, и могу ответить на вопрос господина Гутника о перспективах формирования демократического общества в этой стране. Как мне кажется, ни одна политическая сила в Китае не намерена повторять опыт СССР или стран Восточной Европы и решать судьбы своей страны с помощью улицы. В мае 1991 г. по приглашению директора Института Государственного Совета КНР господина Ли (сейчас, как известно, он руководит разведкой Китая) я две недели читал лекции в Пекинском университете о причинах кризиса мирового социализма, а по вечерам в присутствии узкого круга доверенных лиц отвечал на вопросы Дэн Сяопина. Как следовало из этих двенадцати или тринадцати вопросов (я уже забыл их количество), руководство Китая в то время очень серьезно изучало причины распада мировой социалистической системы и углубляющегося тогда кризиса власти в СССР. Китайцы, как выяснилось, серьезно изучали даже персоналии стоящей во главе демократической оппозиции, изучали связи Ельцина с США и т.д.

Как выяснилось, среди моих слушателей в Пекинском университете были даже покаявшиеся руководители студенческого движения 1989 г., которые остались преподавать и, соответственно, остались в партии. Среди них был главный редактор оппозиционной студенческой газеты, философ, прекрасно говоривший по-русски. Он мне объяснял, почему после событий на площади Тянь ань Мынь они пришли к выводу о том, что Китай не должен повторять опыт стран Восточной Европы, что в Китае очень опасно участие масс, тем более стихийное, в революционных переменах. Он говорил: «Знаешь, когда мы увидели, как толпа

разрывала солдат, увидели человеческие кишки, вывороченные наружу, мы вдруг осознали, что не дай бог нам повторения такой беды, повторения всех этих массовых демонстраций с участием миллионов людей. Мы этого боимся. В нашей стране с миллиардным населением такая демократия не нужна». Это говорил не партийный функционер, это говорил человек, принимавший участие в подготовке этих событий. Я уже забыл его фамилию, но тогда я активно общался с ним и его друзьями, которые честно говорили, почему они вдруг отrekliсь от организованных ими выступлений студентов, почему они осознали, что в Китае действительно невозможен такой путь развития демократии, как в Европе. Это глубокое убеждение всей политической элиты, и вы их не переубедите. Это другой мир. Они и свою компартию воспринимают по-другому, не как партию марксистов-ленинцев, а как национальную силу, обеспечивающую национальное развитие.

Когда я работал в Японии и в США, мне доводилось присутствовать на собраниях, посвященных ситуации в Китае. Но как мне кажется, в этих странах, особенно в Японии, проявляется более активное отношение к Китаю и его будущему. И в США, и в Японии обычно спрашивают, а что должно сделать наше национальное правительство, чтобы нейтрализовать возможную китайскую угрозу? Все говорят о том же, что и сегодня на нашем заседании: сейчас Китай занят собой и своими проблемами, что для Китая характерно неравномерное развитие, дикий разрыв между регионами, слабое развитие сельского хозяйства и т.д. Но все понимают, что через 10–15 лет Китай станет реальной сверхдержавой.

На мой взгляд, и для нас Китай, современный, динамичный, должен стать фоном, на котором мы могли бы рассматривать свои собственные проблемы, судить и об упущенных возможностях, и о собственных перспективах. Ведь опыт экономических и политических трансформаций в Китае куда ближе нам, чем опыт экономических реформ в Бразилии, в Латинской Америке в целом, которому так много внимания по сей день уделяют наши экономисты и политологи. Когда-то у нас в бывшем ИМЭС АН СССР очень много внимания уделяли сравнительному анализу реформ в Китае и в СССР, и этот анализ, как мне кажется, был продуктивным, хотя бы с научной точки зрения.

Опыт развития Китая в течение последних 25 лет поставил перед нами множество вопросов, на которые мы так и не дали исчерпывающих ответов.

А.С. Ципко

К примеру, китайские коллеги в 1990 и 1991 гг., с которыми мне довелось активно общаться, проявляли большой интерес к моей идее смены коммунистической идеологической легитимности КПСС на национальную, государственную. Как мне известно, КПК по инициативе Дэна как раз и начала постепенно уходить от идеологической легитимности к национальной, трактовать КПК как партию исторического прорыва Китая. Подобная трактовка КПК как раз и послужила новой интеграции китайской нации.

Но почему это не было возможно у нас? Наверное, потому, что КПК была прежде всего национальной партией, а у нас в силу природы России – все-таки интернациональной.

Надо понимать, что само население России, простые люди воспринимают наш собственный опыт, вернее, опыт наших неудач на фоне китайских удач. В этом отношении крайне актуальны и наше заседание, и те вопросы, которые мы сегодня обозначили.

В.С. Мясников

Спасибо, Александр Сергеевич.

Евгений Петрович, пожалуйста, Вам слово для ответов на вопросы.

Е.П. Бажанов

Отвечу на некоторые из вопросов. Изучаются ли в России перспективы демократизации КНР? Конечно, изучаются. Свежий пример: 28 октября с.г. у нас в Дипакадемии состоится защита докторской диссертации на тему «Проблемы модернизации политической системы Китайской Народной Республики».

Теперь о том, почему Пекин не спешит демократизировать политическую систему? Китайские руководители регулярно разъясняют, что страна к этому не готова. Культурный уровень населения остается низким. В стране более 800 млн. крестьян, свыше 200 млн. неграмотных, 100 млн. пребывают в состоянии ниже черты бедности. Подчеркивается, что Китай — это «необъятный океан диких предрассудков, неудовлетворенных амбиций, затаенных обид». Это «клановость, групповщина, местничество». Однажды, в пору печально известной «культурной революции», Китай уже «пал жертвой вакханалии выпущенных на волю инстинктов и эмоций».

Конечно, любая тоталитарная или авторитарная власть обязательно найдет оправдания своей политике. Но в случае с КНР трудно не согласиться с выдвигаемыми аргументами. Если китайцам предоставить сейчас всю полноту демократических свобод и прав, то они, боюсь, не только разнесут собственную страну, но и дестабилизируют ситуацию вокруг КНР. Путешествуя по Китаю, встречаешь массу бедных, неустроенных, озлобленных людей. Есть и такие, которые даже не знают о существовании других государств. Встречают иностранца и спрашивают: «Ты кто?». Тут же сами делают вывод: «Наверное, ты — нацменьшинство с севера страны».

Следует учитывать и такую возможность, что в случае демократизации в Китае возвысят голос националистически настроенные политики и партии, которые начнут муссировать прежние территориальные претензии к России. Так что, в целом нам не стоит переживать по поводу медленного прогресса в деле демократизации восточного гиганта.

По поводу комментария В.П. Гутника. Как мне показалось, он одобрил осторожный подход российского бизнеса к китайскому рынку. Он якобы не очень привлекательный. Напомню, что в КНР уже реально вложено более 60 млрд. долл. в качестве прямых иностранных инвестиций. В связи с резким снижением притока иностранных капвложений в США Китай вышел на первое место в мире по их привлечению и использованию. Это несмотря на бюрократию, отсутствие демократии, бедность,

коррупцию. Кстати, западные бизнесмены говорят, что отличие Китая от России в том, что у них дашь взятку – и тебе сделают обещанное, у вас же все равно ничего не сделают, даже если возьмут взятку. Но у КНР есть и другие преимущества, более существенные — это быстрый экономический рост, огромный рынок, дешевая и в то же время хорошая рабочая сила, политическая стабильность. К тому же, Китай вступил в ВТО. Вот все и спешат переносить на китайскую территорию свои предприятия.

Все, кроме российских бизнесменов. Наши предпочитают покупать футбольные клубы и замки в Европе. Поэтому в медленном росте экономического сотрудничества между Россией и КНР виноваты не китайцы, а мы.

Следующий вопрос — об изучении китайского опыта реформ. Прозвучала мысль, что в России он мало изучается. Не согласен с таким выводом. Изучается постоянно, начиная со времен М.С. Горбачева. Пишутся монографии, проводятся конференции. Тысячи российских делегаций посетили за последние 20 лет КНР именно с целью изучения опыта реформ. Но одно дело изучать, другое — руководить и работать по-китайски. Китайские предприниматели вкладывают деньги в собственную экономику — в строительство заводов, аэропортов, дорог, поликлиник, университетов и т.д. Наши — в «Челси». Поэтому какой может быть толк от монографий и конференций?

В.С. Мясников

Кирилл Елизаров, начальник Управления по связям с общественностью компании «Интеррос», попросил слово для реплики. Реплика от лица бизнеса.

К.П. Елизаров

Не могу говорить от лица всего бизнеса, но что касается «Челси». Ничего и никого не хочу защищать, но допустим, придет бизнесмен в Китай — и что он там будет делать со своими деньгами? Кто его туда пустит? А покупка «Челси» была просто платой за вход в английскую, мировую элиту. Плата же за вхождение в элиту Китая такая, что надо, наверное, купить не один, а десять «Челси». Это бесполезно, тупик, туда незачем идти.

Е.П. Бажанов

В этом ответ на наш вопрос. Можно долго изучать и рассуждать, почему у них реформы идут, а у нас — нет? Да потому что задача у нашего

Ж клуб

Нижинский

Фото Л. Панкратовой

К.П. Елизаров

бизнеса — войти где-то в какую-то в элиту, в то время как весь мир идет в Китай и деньги туда вкладывает.

В.С. Мясников

Слово для выступления Владимиру Викторовичу Марущенко, заместителю начальника отдела развития персонала нефтяной компании «ЛУКОЙЛ», полковнику запаса. До того Владимир Викторович служил в Главном управлении воспитательной работы ВС РФ в должности начальника отдела общественной государственной подготовки.

В.В. Марущенко

Хочу сказать несколько слов в связи с предметом нашего обсуждения. На фоне приведенного высказывания Арнольда Тойнби, уделяв-

шего большое внимание роли элиты в развитии страны, несколько удивительно прозвучали слова Е. П. Бажанова, что только ученым надо думать о нашем стратегическом развитии, но никак не политикам.

В этом как раз и состоит существенное различие между российской элитой и китайской. Если российский истеблишмент отличается удивительной конъюнктурностью при решении основных вопросов национальной повестки дня, то китайская элита строит свою политику исходя из стратегических интересов общества. Напомню популярную притчу, как к китайскому наставнику пришли ученики с вопросом: «Когда можно решить эту проблему?» Получив ответ, что примерно через 150 лет, они воскликнули: «Так нас же не будет!» На что услышали: «Будут другие!». Эта, казалось бы, бесхитростная история весьма точно характеризует ментальность китайской политической элиты, выстраивающую стратегию на много лет вперед.

Да, у Китая много непростых проблем, требующих решения. Это и бурный темп экономического развития, и проблемы восточных и западных регионов, и синьцзян-уйгурский сепаратизм, и ряд других. Но при этом риски купируются стратегически мыслящей элитой. Политическому руководству Китая, в отличие от советского, хватило зрелости не разрушать существующий светский проект, модернизировать его применительно к нынешним задачам китайского государства. Можно спорить о том, хорошо они сделали это или плохо, но остается фактом, что страна была сохранена и сегодня демонстрирует высокие темпы экономического развития. Очевидно, если бы свой коммунистический проект они резко заменили на либеральный или попытались стремительно вернуть свое атеистически воспитанное население к буддизму или конфуцианству, то страна рухнула бы. Да, они обращаются к истокам своей цивилизации, но делают это куда более осторожно и разумно, чем это делал наш истеблишмент.

Мне было интересно услышать, как некая инициативная группа пытается разведать и расшифровать китайские политические или военные проекты. Такое занятие могло бы быть конструктивным при условии ясного представления о собственных проектах, связанных с Китаем. Здесь как наша стратегия, так и наша тактика будут зависеть от того, станем ли мы задаваться вопросом, «что же все-таки купить или продать Китаю», или серьезно подумаем о проектных основаниях, на которых можно развивать собственную страну и собственную внешнюю политику.

Насколько эксцентричной, настолько и непривлекательной выглядит идея превращения России в задворки Китая по отношению к Юго-Восточной Азии. Трудно понять, в чем тут национальный интерес. Кстати, буквально накануне я слышал нечто подобное и в отношении ислама, где России отводилась роль мощного тыла для объединенного исламского мира. А до того — такие же предложения, связанные с Западом. Что это, как не духовная и политическая нищета нашей элиты, не способной адекватно реагировать на существующие исторические вызовы?

Поэтому мой первый посыл заключается в том, чтобы создавать свои собственные проектные основания, на которых можно строить эффективную внутреннюю и внешнюю политику, в том числе и в отношении Китая.

Далее. Мы действительно должны понять, существуют ли риски для национальной безопасности России с усилением Китая? На мой взгляд, они есть. Посмотрите, алгоритм решения пограничных спорных конфликтов у них примерно одинаков — с Индией, Вьетнамом, Киргизией, наконец, о. Даманский. Он не меняется с течением лет. И было бы вполне закономерно предположить, что дальнейшее ослабление России, конечно, будет провоцировать Китай. Отсутствие необходимых внутренних природных ресурсов будет для него лишь подстегивающим фактором. Наверное, некорректно проводить аналогии с миграцией племен двух-трехтысячелетней давности, когда переселенческие волны рушили государства, империи. Но не факт, что на фоне оттока населения из восточных регионов страны, на фоне ослабления России мы не станем лакомым куском для Китая.

Современному миру еще предстоит узнать, как будет действовать демографический фактор в решении территориальных вопросов в XXI в. Наивно утверждать, что никак. Сегодня Косово — лишь один из вариантов.

И последнее. Весьма «демократично» для российских политиков судить о демократии в Китае. Рекомендовать им свои рецепты развития страны эффективно лишь с точки зрения ослабления потенциального геополитического конкурента. Но как говорил один сатирик: «Об этом можно только мечтать!».

На мой взгляд, китайская элита достаточно адекватна, и она адекватно реагирует на вызовы эпохи. Конечно, трудно предсказывать, чем все это закончится, потому что внутренние проблемы там действительно велики и Китай будет сталкиваться все с большей внешней конкуренцией.

В.В. Марущенко

Тем не менее, опыт китайского руководства достаточно поучителен для нас с точки зрения модернизации страны, ведения внешней политики.

В.С. Мясников

Спасибо. Я слагаю с себя обязанности председательствующего и с удовольствием передаю их Сергею Петровичу.

С.П. Капица

Во-первых, я хочу поблагодарить всех присутствующих, на мой взгляд, за очень поучительную и содержательную дискуссию. Еще раз благодарю Владимира Степановича за то, как он управлял этим обсуждением — в стиле такой авторитарной демократии, чему, по-видимому, его научил китайский опыт.

Какие уроки мы можем извлечь из китайской ситуации? Китай, несомненно, при очень многих противоречиях экономически развивается. У России с Китаем много параллелей, начиная с той же коррупции, серого сектора экономики, ненадежной статистики, при наличии, тем не менее, динамики развития. Динамика есть у них, динамика есть и у нас, но они все-таки сохранили политическое руководство страны более систематическим и устойчивым, чем мы. В Китае есть, наконец, смена кадров.

Эшелонирование и смена кадров, наверное, один из важнейших механизмов управления. Мы пытаемся воспользоваться кадрами, что называется «из прошлых запасов», но источник этот иссякает, а новых нет. Нет системы воспитания кадров внутри корпораций, внутри промышленности и пр. — и это одна из наших серьезных политических проблем. Здесь китайский опыт, наверное, представляет особый интерес.

Расскажу то, о чем когда-то уже здесь говорил. Примерно в 1987 г., во время моего пребывания в Стенфорде, президент стенфордского университета поделился со мной обеспокоенностью, что в Америке обучается 40 тыс. китайских студентов, русских же — всего около сотни, а потому мы, русские, не понимаем происходящего в Америке. Треть обучающихся в Америке китайцев из КНР, треть — из Тайваня и треть — из китайской диаспоры США. Все они состоятельны, их поддерживают соответствующие круги и они перенимают американский опыт. Сейчас этим людям, как было сегодня сказано, дают возможность вернуться в Китай, предоставляя хорошие условия для работы, не говоря о том, что они хорошо интегрированы в американскую систему. Китайское лобби в Америке очень заметно, особенно в Калифорнии.

Тогда я доложил об этом нашему послу в Вашингтоне. Посол велел мне написать по этому поводу телеграмму, что я и сделал. Потом меня долго допрашивали, откуда что взялось и зачем я вообще поднимаю такие вопросы? Я ответил, что считаю этот вопрос важным. Посол поблагодарил меня за проявление гражданского долга и сказал, что все мои телеграммы читает Горбачев. Сейчас в США, кажется, 140 тыс. китайских студентов. Из русских, по-моему, там больше профессоров, чем студентов. Говорят, американский университет — это такое место, где русские профессора учат китайских аспирантов.

Кстати, мне кажется, сейчас у китайцев есть очень интересная и поучительная для нас программа развития науки и высоких технологий. Они приглашают колоссальное количество внешних компаний. Nokia,

по существу, телефонизировала Китай. Там пошли по пути беспроводной телефонизации этой гигантской страны. Экономически это гораздо выгоднее, в пять раз дешевле, чем тянуть провода. Все это происходит на наших глазах.

Теперь о демократии. Мне кажется, что демократия — не решение проблем, а, скорее, инструмент для их решения. Если демократия подходит — ее надо вводить, если не подходит — вводить не надо. И надо иметь в виду, что в самых демократических странах демократия в достаточной мере управляема традициями, порядком, заинтересованностью тех же элит. Это не средство борьбы за власть, а средство управления страной. У нас же демократия превращается в средство борьбы за власть на районном, федеративном уровнях и всего государства в целом. Китайцы, наверное, введут ту демократию, которая им будет удобна. Какая она будет — им виднее. Из этого нам тоже следовало бы извлечь урок.

Мне кажутся важными замечания А.С. Ципко. Я хочу поблагодарить Александра Сергеевича за то, что он добавил нашей дискуссии важный ракурс исторического опыта. В прошлом, во времена коммунистических идеалов, у нас несомненно было колоссальное влияние на Китай. Половина китайской элиты все-таки была воспитана в России, вернее, в Советском Союзе — это тоже несомненный резерв в российско-китайских отношениях, который, правда, со временем иссякает.

Самое сложное для политики в современном мире состоит в том, что сейчас история и политика работают почти в одном времени, и трудно понять, что является политикой, а что — фактом истории. При таком сжатии исторического времени даже в такой гигантской стране, как Китай, обстоятельства меняются настолько стремительно, что мы не успеваем сориентироваться. В этом, на мой взгляд, главная причина всемирного кризиса, через который мы сейчас все проходим. Но это, как говорят, отдельный вопрос.

В целом, на мой взгляд, сегодня было очень поучительное и интересное заседание, за что я благодарю всех участников обсуждения.

Письменные материалы заседания

Что сегодня происходит в Китае

*Общество малого благоденствия
должно быть прежде всего гармоничным*

Галенович Юрий Михайлович,

главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН

Осенью 2004 г. в Китае на 4-ом пленуме ЦК КПК 16-го созыва были приняты важные решения. Была поставлена задача превратить современное китайское общество, до сей поры ориентированное правящей партией на построение малого благоденствия, в общество гармонии и согласия, гармоничное общество или общество согласия.

Это было вызвано, очевидно, тем, что в стране развивались и дошли до весьма опасной черты процессы поляризации, расслоения, дисгармонии между группами населения. Иными словами, вместо ориентации общества на обогащение (причем при поощрении тех, кому это удастся сделать раньше других, что в свое время сыграло и свою позитивную роль) был предложен курс на то, чтобы смягчать и устранять противоречия внутри народа, добиваться гармоничного развития города и деревни, развитых и отсталых районов, экономики и социальной сферы. По-новому был поставлен именно этот вопрос.

Лозунг времен Мао Цзэдуна — деление противоречий на два типа: «между нами и нашими врагами и противоречия внутри народа» — предполагал решение такого рода вопросов с позиции классовой, т.е. смертельной борьбы. Теперь был сделан акцент на том, что сегодня в обществе также существуют противоречия, однако, это противоречия не «между нами и классовыми врагами» и даже не просто противоречия внутри народа, а противоречия интересов, материальных интересов различных слоев общества, групп населения. Задача — сглаживать их и устранять, поскольку именно эти противоречия и представляют огромную опасность для страны.

Вопрос был поставлен чрезвычайно остро. Речь шла о том, что Китай находится на переломе. Настал ключевой момент, когда от решения проблемы гармонизации интересов групп населения в стране будет

зависеть дальнейшая судьба Китая. Если проблему удастся решить, то для Китая может наступить «золотой век», и после многих лет хаоса и «великого единения», а также некоторой степени малого благоденствия страна придет к великой гармонии. Если же проблему решить не удастся, страну ждет крах.

В связи с этим возник вопрос о разделении ответственности между ветвями власти и выдвинут соответствующий лозунг: «партия осуществляет руководство, правительство несет ответственность». Сегодня власть в Китае разделена на власть партийную как направляющую силу, вырабатывающую курс, и исполнительную, которая должна заниматься конкретными делами и нести ответственность за свои действия перед партией и народом.

Кроме того, на пленуме ЦК КПК было принято, что партия, бывшая раньше революционной, отныне должна перестать руководствоваться многими из прежних понятий и заняться осуществлением роли руководящей партии. От партии требуется из революционной, руководящейся революционным правосознанием, стать правящей, компетентно управляющей делами государства. В конечном счете основная цель партии, по словам Ху Цзиньгао, состоит в защите интересов народа; главное для партии сегодня — делать все ради народа, действовать в его интересах.

Что касается всех органов исполнительной власти и в центре, и на местах, то ранее они должны быть лишь орудием классовой борьбы, осуществляя при этом волю партии. Теперь правительство призвано выявлять потенциальные возможности решения практических задач на местах.

Нынешние кадры партии больше не могут считаться революционными, так как не обладают ни революционным стажем, ни соответствующим политическим капиталом. Народ уже больше не руководствуется революционным духом. Отсюда вытекает задача возвращения на демократический путь.

Изменилась и экономическая основа власти. Теперь наряду с государственной собственностью есть и совместные, и частные предприятия. Это находит отражение в сознании людей и с этим следует считаться. Люди в Китае уже приняли многосоставную экономику и предъявляют к ней свои требования, а задача властей в данном случае состоит в том, чтобы согласовывать интересы и требования людей. Сегодня при принятии решений необходимо учитывать законы рынка, а не принимать волевые решения.

Ныне в Китае изменились и представления о ценностях морально-го порядка. Ценится не тот, кто в свое время одержал верх в борьбе за власть в стране и просто сидит у власти, а тот, кто защищает интересы людей. Ныне надо управлять в интересах народа. От чиновников требуется не властвовать, а нести свою долю ответственности. Граждане же должны не просто выполнять свои обязанности — на первое место должны быть поставлены гражданские права населения.

Ху Цзиньгао особо подчеркивает изменение роли и функций органов власти: осуществлять свои управленческие функции и служить людям. Если раньше органы власти по большей части выполняли функции управления, то теперь их функции — обслуживание народа, людей. Чиновники должны отходить от привычного для них стиля патерналистского поведения и превращаться в слуг народа.

Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньгао выступил с призывом «строить партию, которая служила бы обществу, людям». Служение человеку выдвигается и в качестве главной задачи исполнительной ветви власти. Появился термин «правительство, служащее народу» или «обслуживающее правительство». В этом видится отличие нынешней ветви исполнительной власти от существовавшей до сих пор. Это объясняют тем, что сегодня народ требует, чтобы власти были не над ним, а служили ему. Чиновники должны, в частности, равно относиться и к иностранным инвесторам, и к гражданам своей страны. Сегодня от чиновников требуют руководствоваться не своими желаниями и волей, а управлять на основе законов, придавать своей деятельности прозрачность.

Ху Яобан подчеркивал, что правильность любого решения следует оценивать на основе реакции людей, народа. Государство должно выполнять функцию служения народу. Но это не все. Оно должно также заниматься экономическим регулированием, контролировать рынок, ведать социальной сферой.

Чиновники ранее считали себя «отцами народа», чувствовали себя господами над народом. Ныне от них требуется служить народу. Чиновники должны понять, что народ платит налоги, а власть осуществляет свои функции на основе собранных налогов. Работу чиновников должен оценивать только народ. При этом учитывается то обстоятельство, что в Китае за последние годы повысилось качество людей. Высокое качество народа требует высокого качества управленческой работы.

Далее. Ныне выдвигается и вопрос о необходимости развития в стране производительных сил в сфере культуры. Утверждается, что даже бо-

гатая страна, лишенная культуры, лишена будущего, у нее нет перспектив. Тем самым подчеркивается, что до сей поры упор делался лишь на развитие производительных сил. Сегодня этого не только недостаточно, но очевидно, что такой курс принес некие отрицательные последствия. Оказывается, китайское общество в настоящее время страдает от жестокости, следующей из ориентации исключительно на развитие производительных сил. Оказалось, что необходимы еще и производительные силы из сферы культуры. Духовная жизнь становится востребованной. Очевидно, в связи с этим стали говорить о «мягких реальных силах», обо всем, что относится к сфере духа, а не только к материи.

В отношении правящей партии речь зашла о смене формулировки ее «великих способностей». То есть о том, что если ранее партии предлагалось все свои способности развивать применительно к различным этапам партийного бюрократического механизма, то теперь речь идет о мобилизации способностей всей партии, всех ее членов.

По-новому ставится вопрос об управлении делами страны. Это управление предлагается сделать научным, демократичным, осуществлять его на основе закона. Причем все это должно находиться в тесном сочетании, в неразрывной связи между собой. Принципы, выдвигающиеся на первый план, — демократия, наука, закон. Очевидно, здесь намек на то, что всего этого до сих пор не хватало.

Сюда же, вероятно, примыкает и уже известный тезис, что в основе всей политики и деятельности правящей партии должен быть человек. Простые люди в Китае говорят, что нынешний курс уже приносит некоторые ощутимые результаты, прежде всего, крестьянству, для которого снижается налоговое бремя, и интеллигенции, условия быта которой продолжают улучшаться.

Новый, по сути дела, курс партии, означающий критику существенной части прежнего курса, предполагается осуществлять во главе с Ху Цзиньгао. Людей призывают тесно сплотиться вокруг ЦК КПК во главе с генеральным секретарем Ху Цзиньгао. Появилась даже формулировка о «новых идеях председателя Ху Цзиньгао». Вполне вероятно, что вокруг объявленного на 4-ом пленуме ЦК КПК 16-го созыва нового курса в КНР в настоящее время разворачивается острая борьба. Такой курс и такой поворот осуществлять трудно, но нынешнее руководство, главную роль в котором играют генеральный секретарь ЦК КПК и председатель КНР Ху Цзиньгао и глава правительства страны Вэнь Цзябао, намерено твердо проводить его в жизнь.

**О «дополнительном соглашении»
относительно прохождения линии
границы между РФ и КНР на её восточном
участке, подписанном 14 октября 2004 года**

*(«Фигура умолчания» применительно к вопросу о «неравноправном»
характере договоров о границе в обмен на «точное определение
прохождения линии границы»)*

В октябре 2004 г. произошло событие, которое при желании и с определенными основаниями можно назвать чрезвычайно важным в истории российско-китайских отношений. Появилась надежда, что отныне стороны становятся свободны от отягощавшего их отношения груза, который в нашей стране именуют «пограничным вопросом», а в Китае — «вопросом о границе». Теперь, казалось бы, можно вздохнуть свободно, начать жить почти заново, строить отношения на новой основе, освободиться от недоверия и подозрительности в отношении партнера.

14 октября 2004 г. министры иностранных дел РФ Сергей Лавров и КНР Ли Чжаосин подписали в Пекине дополнительное соглашение о прохождении линии границы на ее восточном участке, свидетельствующее, что благодаря неустанным усилиям, которые обе стороны предпринимали на протяжении 40 лет, прохождение линии границы между Россией и Китаем точно определено. Таково мнение Президента РФ и Председателя КНР.

Итак, по согласованному мнению обеих сторон, решен вопрос о точном определении всей линии границы между нашими странами. Конечно, здесь сразу же вызывает беспокойство, как к этому отнесутся и в нашей стране, и в Китае те, кто настаивает на недопустимости компромиссов, каких-либо уступок и кто недоволен любым компромиссным решением.

Действительно, сразу после того, как поступило известие о подписании упомянутого дополнительного соглашения, в Китае в интернете началась критика этого шага, выражалось недовольство тем, что Китай якобы «поступился» своей землей и интересами. В нашей стране, особенно в прилегающих к границе районах, также раздались протесты по поводу этого решения.

В Китае при этом власти исходят из того, что страна и ее население давно уже занимаются в основном своими делами, что простой народ в Китае знать не знает об этих территориальных проблемах. Поэтому там предпочитают все делать тихо, без особого афиширования, без раскрытия, по крайней мере на некоторое время, точного содержания достигнутых договоренностей. В нашей стране, вполне очевидно, власти в данном случае ориентируются прежде всего на мнение китайской стороны и продолжают проводить свою линию, чтобы не знакомить заранее или в ходе переговоров приграничное население с конкретным содержанием и переговорах, и достигнутых соглашений. Очевидно, что власти рассчитывают найти рычаги, чтобы постепенно заглушить недовольные голоса.

Надо сразу отметить, что наша сторона на протяжении всех 40 лет переговоров по пограничным вопросам всегда была готова к определенным компромиссам. Все зависело от китайской стороны. И сейчас именно китайская сторона проявила инициативу для компромиссного решения, в результате чего при пассивной, но позитивной позиции нашей стороны и было подписано упомянутое соглашение.

Более того, вообще говоря, согласие по поводу более 90% прохождения линии границы в принципе было достигнуто еще в 1964 г. Соглашения 1991 г. и 1994 г. о прохождении линии границы на восточном и западном участках, по сути дела, дали юридическую основу договоренности 1964 г. Еще тогда Н.С. Хрущев, благодаря своим уступкам и доброму отношению к Китаю, и Лю Шаоци, благодаря стремлению отделить принципиально не согласовывавшиеся позиции сторон от необходимости решить практические вопросы, касавшиеся точного определения прохождения линии границы, подвели дело в начале лета 1964 г. к возможности подписать соответствующие соглашения и решить на практике вопрос о линии прохождения границы. Это Мао Цзэдун своим заявлением перед японцами о том, что у Китая есть территориальный счет к нашей стране и что Китай, дескать, еще не предъявлял счет по реестру на 1,5 миллиона квадратных километров земли, якобы отторгнутой нашей страной у Китая, сорвал вполне вероятную договоренность и оттянул заключение соответствующего соглашения, что обернулось переговорами, продолжавшимися 40 лет, а также проникновением в сознание населения и той, и другой страны взаимной недоверчивости и подозрительности.

Проблему границы и территорий выдумал Мао Цзэдун. Наша сторона здесь всегда была в обороне, а Мао Цзэдун и его последователи занимали атакующие позиции. Наконец, разумный подход победил, и мы полу-

чили нынешнее компромиссное решение вопроса о точном определении линии прохождения границы. По этому поводу в газете «Жэньминь жибао» 15 октября 2004 г. было сказано, что это знаменует окончательное решение вопроса о границе между Россией и Китаем.

В совместном заявлении В.В. Путина и Ху Цзиньтао от 14 октября 2004 г. сказано, что решение вопроса о границе между Россией и Китаем — это надежная гарантия передаваемой из поколения в поколение дружбы между народами двух стран и их добрососедского сотрудничества, важный вклад в безопасность и стабильность АТР и всего мира, классический пример успеха при разрешении споров по вопросу о границе для всех государств на Земле. Что этот документ представляет собой в политическом плане победу для каждой из сторон, что он сбалансирован и разумен. Ху Цзиньтао в связи с этим сказал, что необходимо оглянуться на пройденный путь и обратить взгляд в будущее, что китайская сторона хочет вместе с российской стороной продвинуть еще дальше отношения стратегического партнерства между Китаем и Россией, всесторонне и глубоко развивать его, устремляясь вперед.

В.В. Путин, как подчеркивала печать в Китае, заявил, что тем самым «поставлена точка» в решении этого вопроса. В Пекине изданы книги о В.В. Путине. Одна из них под заголовком: «Путин: почему он такой упрямый». Другая — «Путин: последний шанс». Из сказанного, в частности, следует, что это наша сторона стремится подчеркнуть свои достижения, делать упор на том, что пограничный вопрос отныне решен полностью, окончательно и навсегда, что тут поставлена точка, что теперь юридически больше нет никаких пограничных вопросов и можно заняться другими делами. Китайская сторона лишь в материале газеты «Жэньминь жибао» говорит об окончательном решении вопроса о границе. В заявлении, под которым стоит подпись председателя КНР, прямо об этом не сказано. Сам Ху Цзиньтао предложил, как представляется, новую формулу, которая создает лучшие условия для развития двусторонних отношений. Если Дэн Сяопин только ставил цель покончить с прошлым, завершить его и только потом открывать будущее, то Ху Цзиньтао говорит, что, оглянувшись на прошлое, необходимо — и это представляется главным — сосредоточиться на том, чтобы обратиться лицом в будущее.

Достигнутая договоренность о точном определении прохождения линии границы — это очень хорошее решение, отвечающее национальным интересам обеих сторон. Здесь действительно никто в принципе не проиграл, и обе стороны политически только выиграли. Благодаря

решению этого вопроса, меняется ситуация в мире и в различных его регионах.

Исчезает карта, на которой могли играть третьи страны. Россия и Китай обретают новое положение в мире, и другие страны не могут с этим не считаться. Меняется ситуация в двусторонних отношениях. Возникает возможность на прочной основе укреплять доверие между народами. Недоверие, связанное с этим вопросом, может уходить в прошлое, в историю и не будет мешать настоящему и будущему. Обе стороны освобождаются от груза, затруднявшего отношения между ними.

В новой обстановке в мире, когда возникла новая общая опасность и необходимость реальных действий в сфере глобализации, стороны получают возможность практически взаимодействовать, опираясь друг на друга. Может измениться взгляд на развитие торгово-экономических отношений между Россией и Китаем.

В новой обстановке в мире история остается историкам, право исторической памяти — за каждым из народов. При этом они получают возможность по-новому действовать и в настоящем, и в будущем. По-иному можно будет смотреть и на отношения партнера с третьими странами, да и на самого партнера. В каком-то смысле Россия и Китай становятся новыми партнерами. Их отношения переводятся на почву сегодняшних реалий.

Стороны, наконец, получают возможность освободиться от принадлежавших ушедшим эпохам тех или иных политических лидеров. Это — освобождение от бремени, обращение к реалиям современного мира. Мир ушел вперед, мир живет в XXI в., а Россия и Китай до 14 октября 2004 г. оставались в прошлом или даже позапрошлом веке. Стороны обретают свободу и возможность совместных или параллельных действий. Обе стороны показали понимание того, что мир стал новым, находится на новом этапе, что возникает новая обстановка и новые задачи. Прошлое доставляло много хлопот.

Плохо, когда существуют разногласия и скрытые проблемы. Умолчание о них иной раз помогает существовать и сосуществовать. Однако оно не ведет к решению проблем. В этом смысле хорошо, что разногласия по вопросу о территориях и границе стали в свое время явными, ведь это путь к решению вопросов.

Однако и в нынешней, новой обстановке возникают многочисленные вопросы. Прежде всего вопрос об обмене «фигуры умолчания» на решение вопроса о прохождении линии границы. Иными словами, китайская

сторона согласилась на компромиссное решение вопроса о прохождении всей линии границы между нашими странами и появление признанной обеими сторонами линии границы на всем ее 4300-километровом протяжении в обмен на то, что она обещает не вспоминать о своем утверждении, что договоры о границе между нашими двумя странами «неравноправные», и хотела бы, чтобы и в нашей стране никто больше не поднимал вопрос об упомянутой позиции китайской стороны.

Таким образом, складывается ситуация, при которой возможны разные варианты развития событий.

При благоприятном варианте обе стороны — российская и китайская — действительно не будут больше ни вспоминать о «неравноправных» договорах, ни «таить их про запас»: одна из сторон как возможное средство осложнения отношений, в случае если она сочтет это выгодным для себя, а другая — как нечто такое, что ограничивает доверие, реальное взаимодействие, партнерство и сотрудничество. Иными словами, при этом варианте действительно создается возможность развивать всесторонние отношения с учетом того, что в российско-китайских отношениях больше нет фактора, до сих пор осложнявшего эти отношения в наибольшей степени.

Другой вариант может обернуться тем, что китайская сторона специально пошла именно на такое решение вопроса, оставляя, с одной стороны, «про запас» возможность выдвижения вопроса о «неравноправных» договорах, и с другой — использовать его как своего рода аргумент, помогающий ей развивать отношения с США, до которых она может тем или иным путем доводить мысль о том, что проблемы в российско-китайских отношениях еще полностью не решены и в случае необходимости отношения могут стать напряженными.

Наконец, вполне возможно, что ситуация внутри КНР не позволяет китайской стороне полностью решить вопрос о «неравноправных» договорах в настоящее время, но в дальнейшем китайская сторона пойдет на подписание нового всеобъемлющего договора о границе, который в межгосударственных отношениях станет единственным действующим договором о границе, создаст необходимую юридическую базу и окончательно поставит межгосударственные отношения на прочную основу. При этом вопрос о «неравноправных» договорах уйдет из сферы межгосударственных отношений, он станет достоянием истории, историков, ученых лишь для обмена мнениями и на практике не будет осложнять наши двусторонние межгосударственные отношения.

В этой ситуации решение вопроса, вытекающее из факта подписания дополнительного соглашения по вопросу о прохождении линии границы на ее восточном участке, представляется многоплановым. С одной стороны, если бы был подписан договор о границе, в который включалась и договоренность о прохождении линии границы, это было бы полным юридическим решением вопроса. Поскольку этого нет, приходится мириться с реалиями. Но, с другой стороны, это означает, что Китай сохранил за собой и в наших двусторонних отношениях, и в своих отношениях с США возможность при определенной ситуации снова говорить о «неравноправных» договорах, на которых основана граница между Россией и Китаем.

Как бы там ни было, но сейчас возникла новая ситуация, позволяющая, с одной стороны, «свободно вздохнуть», и с другой стороны, делает необходимым обсуждение целого ряда новых вопросов. Например, как относиться к выдвигаемой в КНР идее создания в отдаленном будущем совместного экономического пространства или свободной экономической зоны на территории России и Китая? Речь идет о такой зоне, которая не была бы общим рынком, но в которой китайский бизнесмен чувствовал бы себя в России как дома и российский бизнесмен мог бы как у себя дома вести свои дела в Китае.

Как действовать в новой обстановке и считать ли необходимым согласование политики, являющейся у каждого партнера всевекторной, обращенной одновременно на Запад, Восток, Север и Юг, и в какой степени это следует согласовывать? Как при этом добиваться взаимопонимания, лучше разъяснять свои позиции? Что может означать призыв китайской стороны к особому упору на сотрудничество, прежде всего, экономического порядка в рамках ШОС?

Каково соотношение позиций сторон по вопросу о борьбе против терроризма? Что означает тезис о борьбе против терроризма сепаратизма, экстремизма?

Как относиться к предложению китайской стороны о развитии экономических связей в опоре на передачу с российской стороны высоких технологий, а с китайской — продукции и технологии легкой промышленности?

Действительно ли складывается ситуация, когда каждая из сторон находится в новой позиции относительно США, имея за спиной доброго соседа? Возможно ли согласование позиций обеих сторон и по вопросам, касающимся Японии (об острове Дяоюйдао или Сенкаку, об островах Курильской гряды)?

Что означает на практике утверждение китайской стороны о том, что сохранение и усиление партнерства важнее практических проблем, а также призыв не ссориться по второстепенным вопросам? Как относиться к проблемам пребывания и деятельности граждан партнера на своей территории? Как подходить к вопросу о качестве китайских товаров и о контроле государства за экономической и торговой деятельностью?

Что можно было бы сделать для расширения реального сотрудничества в банковской сфере?

Верно ли утверждение о том, что в наших двусторонних отношениях нет неразрешимых вопросов? Как должны решаться вопросы об обществах дружбы, о культурном сотрудничестве, в котором участвовали бы лучшие представители высокой культуры той и другой страны, и о роли государства в этой сфере?

Что можно сделать для пропаганды положительного опыта в двусторонних отношениях при воспитании молодых поколений и населения вообще? Как можно было бы постепенно внедрять в умы представления о светлых сторонах истории взаимоотношений наших двух стран? Как осуществить предложение об интеллектуальном форуме, в котором принимали бы участие лучшие умы и властители умов из России и Китая?

Наконец, что можно сделать для перехода от соперничества к гармонизации интересов в тройственных отношениях России, Китая и Америки?

В целом важно трезво мыслить и при этом другими глазами смотреть и увидеть новые перспективы двусторонних российско-китайских отношений.